

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»

Факультет истории и права
Кафедра отечественной истории

Эволюция государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны.

Дипломная работа

Выполнил(а) студент(ка):

V курс, группа И-ИЮ 101
Марченко В.В. _____

Допустить к защите

Зав. кафедрой

«___» _____ 2015 года

Научный руководитель:

к.и.н., доцент
Мезенцев Р.В. _____

Оценка _____

«___» _____ 2015 года
Председатель ГАК _____

Бийск 2015

Введение

Актуальность исследования

На протяжении многих столетий своего существования Русская Православная Церковь всегда играла важную роль в формировании основ государственности, отечественной культуры, нравственности, национального самосознания, духовного облика русского человека вообще. В годы тяжелых испытаний, смут, нашествий врагов суждение Церкви являли собой образ мужества, стойкости любви и преданности своему Отечеству. В этом плане не стал исключением и XX век.

Великая Отечественная Война, развязанная фашистской Германией против СССР, явилась серьезным испытанием для всего Советского народа.

Православные клирики и миряне, как существенная его часть, приняли самое деятельное участие в освобождении Родины от врага. Однако долгое время их вклад в дело победы намерено замалчивался советскими историками. Только в самом конце XX века исследователи, наконец-то, обратились к истории государственно-церковных отношений в период Великой Отечественной войны. Следовательно, изучение избранной темы отвечает как научным, так и общественным запросам и позволяет устранить очередное «белое пятно» в Отечественной истории.

Объектом данного исследования является: история советского государства и истории церкви в один из тяжелейших периодов годы Великой Отечественной войны.

Предметом исследования стала: эволюция государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны.

Учитывая актуальность проблемы и степень её изученности, нами определены цель и задачи исследования.

Цель исследования: изучить процесс эволюции государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны.

Задачи исследования состоят в следующем:

1. Рассмотреть общее состояние РПЦ накануне Великой Отечественной войны.
2. Проследить некоторое смягчение религиозной политики со стороны Советского правительства в предвоенные годы.
3. Охарактеризовать основные направления патриотической деятельности Московской патриархии в годы Великой Отечественной войны.
4. Выявить причины и предпосылки «потепления» государственно-церковных отношений в интересующий нас период.

Хронологические рамки: работа охватывает период 1941-1945 гг., т.е. время продолжение Великой Отечественной войны.

Источниковая база исследования:

В основе исследования лежит круг источников, разные по своей ценности и характеру, опубликованных в сборниках и научных журналах.

Первые сборники документов Московской Патриархии вышли в годы Великой отечественной войны или сразу после её окончания. К числу относится: «Правда о религии в России (1942 г.) «русская Православная Церковь и Великая Отечественная война (1943 г.), «патриарх Сергей и его духовное наследство» (1947г.). Здесь содержится послания иерархов, постановления Священного Синода, патриотические воззвания, письма, телеграмма. С 1991 г. В журналах, исторических альманахах начали публиковаться и подборки архивных документов по истории религиозной политики Советского государства 1941-1945гг. несколько подобных публикаций подготовил Московский историк М.И. Одинцов. Он использовал, как правило, материалы государственного архива Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории и архива Московской Патриархии. Интересную подборку архивных материалов о жизни и деятельности Ленинградской епархии в годы войны опубликовал Петербургский историк, доктор исторических наук М.И. Шкаловский.

Степень изученности темы

На сегодняшний день, как нам представляется, военные период жизни и деятельности изучен достаточно слабо. Активная патриотическая деятельность Московской Патриархии в годы Великой Отечественной Войны в Советской историографии, как правило, замалчивалась. Например, в многочисленной литературе, посвященной обороне Ленинграда в 1941-1945 гг., полностью отсутствует даже упоминания о том, что в нём имелись действующие храмы. В объемном сборнике статей «Блокада день за днем» скрупулёзно перечисляются самые разнообразные, порой малозначительные события жизни осажденного города, но в нем невозможно найти ни одного свидетельства религиозности ленинградцев. Даже в той части военно-документальной литературы. Где во-первых издания упоминалось имена священнослужителей, принимавших участие партизанском движении, из последующих изданий их изъяли. Так, в книге И. Шубитыдзе¹ «Полесские были» 1969г. Выпуска они есть, а уже в издании 1974г. – отсутствуют. В тоже время делался акцент на сотрудничестве некоторых священников с Гитлером. Этому сюжету уделялось внимание при публикации сборников, документов, (« Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии») и специальных работах (Суглобов Г.А. союз креста и меча).²

Положение стало меняться только с середины 1980-х гг. Советский историк Н.С. Горденко, в своей последней книге «Современное русское православие», дал уже более взвешенную оценку духовенства и паствы в военное время, хотя и отмалчивался от постулата, что война как массовое страдание и всенародное горе, была стимулятором роста религиозности, а духовенство использовало беды людей удаленного наслаждения религиозных

¹ Шубитыдзе И. Полесские были. Минск, 1969г.

² Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Минск, 1964; Суглобов Г.А. Союз креста и меча. М., 1969г.

чувств. Вопросы эволюции отношений Русской Церкви и советского государства специально и глубоко он, к сожалению, не рассматривал.³

До конца 1980-х гг. работы священнослужителей и мирян Московской Патриархии по данной теме ограничивалась статьями в «Журнале Московской Патриархии» и несколькими небольшими рукописями. Затем стали появляться различные журнальные и газетные публикации. Специальных же изданий почти нет. Исключением является небольшая, после войны окончивший Духовную Академию, сообщает ценные, неизвестные ранее сведения. Так, в книге содержатся свидетельства, участников партизанского движения об активной помощи им митрополита Украинской автокефальной Церкви Александра (Иноземцева).

В 1985г. к сорокалетию победы в Великой Отечественной войне планировался издаться сборник о патриотической деятельности Русской Церкви, но он так и не вышел. Лишь небольшая часть из собранных для него материалов была опубликована в 1995г. В журнале «Наука и религия» в форме статей «Священники на фронте» и «партизанский акафист» Здесь их авторы говорят о том, что священнослужители зачастую, являлись единственным связующим звеном между местным населением и партизанами. Что например, только в Полесской епархии в годы оккупации число иереев уменьшалось на 55% в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам.

Патриотическая позиция Московской Патриархии оказалось непонятной для многих зарубежных специалистов, ожидавших от неё проведения антисоветской линии или нейтрального отношения к военным событиям. Им казалось, что начавшаяся война должна была обострить противоречия между Церковью и государством, предоставив для первой удобную возможность свести счеты с богоборческой властью. Однако не произошло. И вплоть до 1980-х гг. некоторые западные исследователи (А.А. Боголепов, Константинов Д., В. Степанов), особенно из клира и мирян

³ Гордиенко Н.С. Современное русское православие. М.,1987г.

Зарубежной Русской Церкви, стремились объяснить происшедшие, прежде всего страхом, оставшимся на свободе архиепископов во главе с Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским) перед новыми репрессиями.

Современные Российские историки (В.А. Алексеев, М.И. Одинцов) при характеристике военного периода больше внимания уделяют предпосылкам и обстоятельствам встречи в Кремле 4 сентября 1943 г. И.В. Сталина с руководством Московской Патриархии⁴. В этом плане от их книг выгодно отличаются работы О.Ю. Василевской, монография которой в значительной степени посвящена исследованию основных направлений и объективной оценки патриотической деятельности Русской церкви, ее вкладу в общенародное дело достижения победы в Великой Отечественной Войне

Изучались в монографии боевой путь танковой колонны имени Дмитрия Донского, построенной на средства верующих; деятельность совета по делам РПЦ, созданного в 1943г.; история Православной Церкви в период оккупации на территории Северо-запада России и отчасти Белоруссии.

Другие публикации О.Ю. Васильевой содержат новые интересные взгляды на Сталинскую религиозную политику. Она аргументированно доказывает объективную неизбежность изменения государственного курса в годы войны, но в то же время отмечает создание лишь видимости взаимопонимания между правительством и Патриархией, преимущественно показной характер многих акций. За ширмой благополучия в религиозном вопросе для И. Сталина было важным поставить церковь под жесткий контроль, одновременно сделать ей послушной управляемой силой в своей политической игре.

⁴ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991г.; Одинцов М.И. Путь длиной семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству. М., 1993г.

Практическая значимость

Определенный интерес данное дипломное исследование, наш взгляд, можем представить для историков, философов, религиоведов, а также деятелей других отраслей науки культуры.

Его руководитель Е. Ярославский, выступая в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), заявил: «Товарищ Молотов...был тысячу раз прав, когда указал при открытии съезда, что с точки зрения наших внутренних задач, центр тяжести переносится теперь на вопросы воспитательные, на вопросы коммунистического воспитания, на задачу ликвидации столь живучих пережитков капитализма в сознании трудящихся. А если так, то можем ли мы в связи с этим ослабить или ликвидировать на ближайший период нашу работу по борьбе с таким живучим предрассудком, как религия, можем ли мы ослабить нашу пропаганду?» Разумеется, нет, отвечал Е. Ярославский и призывал еще более активизировать борьбу с религией и церковниками «всех мастей».

По-прежнему в выступлениях председателя Центрального совета СВБ священники объявлялись врагами народа. К примеру, встречаясь в апреле 1939 г. с активом СВБ Москвы, он разъяснял: «Враги социализма действуют через религиозные организации. А в тех районах, где нет религиозных организаций, нет ни уекви, ни мечети, ни синагоги, нередко имеется переезжающий с места на место «бродячий поп-передвижка» или осели бывшие обитатели монастырей, орудуют развенчанные вожаки религиозных сект, бывшие церковные старосты и тому подобные бывшие люди».

Что бы продолжить существование СВБ, Е. Ярославский направлял его на борьбу за «исправление парт линии по религиозному вопросу» с профсоюзами, работниками просвещения, прессы и особенно комсомолом. В первом же номере журнала « Антиралигиозник», вышедшем после завершения XVIII съезда ВКП(б), помимо публикаций решений последнего и речи на нем Е. Ярославского, были помещены два материала о недостатках в антирелигиозной работе комсомола, прежде всего в Средней Азии.

Выступая через несколько месяцев со статьей в журнале «Большевик», член Центрального совета СВБ Ф. Олещук также указал на слабую работу комсомола в Средней Азии, обвинив в ней ЦК ВЛКСМ.

Эта статья подводила «теоретическую базу» под призывы об активизации борьбы на «безбожном фронте» уже в 1940-е гг. В ней утверждалось, что всякий, даже самый «советский поп – мракобес, реакционер, враг социализма», и поэтому задача третьей пятилетки состоит в том, что бы «вытравить из сознания людей все эти пережитки ... сделать всех трудящимися атеистами». И хотя признавалось, что в СССР еще много верующих, Ф. Олещук даже определял примерную дату «полного преодоления религиозных предрассудков» среди населения страны (1950-1955 гг.): «Вряд ли в третьей пятилетке удастся преодолеть все религиозные предрассудки. (Если) для перегона в экономике капиталистических стран надо 10-15 лет, то и для полного преодоления религиозных пережитков вряд ли можно говорить о сроках более коротких.

Можно было ожидать, что Е. Ярославский объявит о планах третьей «безбожной пятилетки». Ведь им уже заявилось о необходимости воссоздания антирелигиозной организации из 5-6 миллионов членов, на IV расширенном пленуме Центрального совета СВБ в 1938 г. прозвучало его обещание: «Если мы усилим свою работу, то следующее десятилетие станет временем полного освобождения масс от реакционного влияния религии». Однако же без воздействия партийного руководства третья «безбожная пятилетка» так и не была провозглашена. Не состоялся и планируемый III съезд СВБ.

«IV пленум ЦС СВБ, почти сплошь состоявший из кооптированных членов, в 1938 году провести III съезд Союза безбожников, но Ярославский и его «команда» побоялись настоять на этом перед Сталиным, который все меньше, судя по всему, видел для себя проку в деятельности этой организации». Союз безбожников переживал глубокий кризис, и только

усилиями прессы искусственно создавалось впечатление о его кипучей жизнедеятельности.

Количество числившихся членами СВБ упало с 5670 тыс. в 1932 г. до 2000 тыс. в 1938 г., вместо запланированных 22 млн. В реальности их было гораздо меньше, так как процент уплачивающих членские взносы понизился с 45 до 13 (то есть платило их лишь 260 тыс. человек) Людям надоедал казенный, бюрократический стиль работы организации, свое формальное членство в ней, участие в бесконечных кампаниях, «безбожных займах», сборах денег на «безбожные» подлодки эскадрильи, танковые колонны и т.д. Сокращалось количество организаций СВБ, его издательская деятельность. Тираж ежемесячного иллюстрированного журнала «Безбожник» упал с 230 тыс. в 1938 г. до 155 тыс. на следующий год. Содержание ежемесячника «Антирелигиозник» становилось все более примитивным и однообразным. Его объем при тираже 40-50 тыс. экземпляров сократился со 130 страниц до 64 в 1940 г., но многие номера выходили сдвоенными и содержали не более 80 страниц. На совещании в ЦС СВБ в апреле 1939 г. признавалось, что резкого перелома к лучшему в работе союза не произошло. Еще через полгода Центральный совет отмечал: «Большинство ячеек Союза воинствующих безбожников не ведут систематической антирелигиозной работы. Являются пассивными, бездеятельными».

Глава I

Общее состояние Церкви накануне Великой Отечественной войны.

1.1 Основные довоенные антирелигиозные акции Советского государства.

В конце 1938 г. период открытого, активного наступления на Церковь подходил к своему завершению; появились первые симптомы намечавшегося изменения прежней линии. Неудача планов искоренения религии была очевидна. После отстранения от руководства НКВД Н. И. Ежова в рамках общего пересмотра многих следственных дел были освобождены и сотни священнослужителей, в том числе несколько архиереев: архиепископ Иоанн (Соколов), епископ Иосиф (Чернов) и др. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов.

Отчасти это было связано с постепенным общим изменением курса советского правительства с интернационально-коммунистического на национально-патриотический. Подобные перемены начались вскоре после прихода к власти в Германии фашистов, но в конце 1930-х гг. они значительно увеличились. Так, в 1937 г. ведущий советский исторический журнал «Историк-марксист» опубликовал статью о значении Крещения Руси. Автор ее, известный историк С.В. Бахрушин, давал положительную оценку этому событию, открывшему для России современный ей мир европейской культуры через посредничество развитого государства, центра науки и культуры того времени, каким была Византия. Даже журнал «Безбожник» в свете исполнения 950-летия одного из известнейших событий в истории России был вынужден пойти тем же путем и в номере 5 за 1938 г. выступил со статьей Грекулова «Крещение Руси». С этих пор подобное отношение к христианизации Русского государства стало официальной советской доктриной. В 1938 г. был поставлен знаменитый фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский», прославлявший святого князя, мощи

которого в мае 1922 г. оказались вскрыты, а через 4 месяца изъяты из Троицкого собора Александро-Невской Лавры и переданы в антирелигиозный музей⁵ и т. д.

Но вплоть до осени 1939 г. серьезных перемен все же не произошло.

Значительную активность проявлял «Союз воинствующих безбожников».

Его руководитель Е. Ярославский, выступая в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), заявил: «Товарищ Молотов...был тысячу раз прав, когда указал при открытии съезда, что с точки зрения наших внутренних задач, центр тяжести переносится теперь на вопросы воспитательные, на вопросы коммунистического воспитания, на задачу ликвидации столь живучих пережитков капитализма в сознании трудящихся. А если так, то можем ли мы в связи с этим ослабить или ликвидировать на ближайший период нашу работу по борьбе с таким живучим предрассудком, как религия, можем ли мы ослабить нашу пропаганду?» Разумеется, нет, отвечал Е. Ярославский и призывал еще более активизировать борьбу с религией и церковниками «всех мастей».

По-прежнему в выступлениях председателя Центрального совета СВБ священники объявлялись врагами народа. К примеру, встречаясь в апреле 1939 г. с активом СВБ Москвы, он разъяснял: «Враги социализма действуют через религиозные организации. А в тех районах, где нет религиозных организаций, нет ни уекви, ни мечети, ни синагоги, нередко имеется переезжающий с места на место «бродячий поп-передвижка» или осели бывшие обитатели монастырей, орудуют развенчанные вожаки религиозных сект, бывшие церковные старосты и тому подобные бывшие люди».

Что бы продолжить существование СВБ, Е. Ярославский направлял его на борьбу за «исправление парт линии по религиозному вопросу» с профсоюзами, работниками просвещения, прессы и особенно комсомолом.

⁵ Бахрушин С.В. К вопросу о Крещении Руси//Историк-марксист, 1937,№2. С. 40-77

В первом же номере журнала «Антирелигиозник», вышедшем после завершения XVIII съезда ВКП(б), помимо публикаций решений последнего и речи на нем Е. Ярославского, были помещены два материала о недостатках в антирелигиозной работе комсомола, прежде всего в Средней Азии.

Выступая через несколько месяцев со статьей в журнале «Большевик», член Центрального совета СВБ Ф. Олещук также указал на слабую работу комсомола в Средней Азии, обвинив в ней ЦК ВЛКСМ.

Эта статья подводила «теоретическую базу» под призывы об активизации борьбы на «безбожном фронте» уже в 1940-е гг. В ней утверждалось, что всякий, даже самый «советский поп – мракобес, реакционер, враг социализма», и поэтому задача третьей пятилетки состоит в том, что бы «вытравить из сознания людей все эти пережитки ... сделать всех трудящимися атеистами». И хотя признавалось, что в СССР еще много верующих, Ф. Олещук даже определял примерную дату «полного преодоления религиозных предрассудков» среди населения страны (1950-1955 гг.): «Вряд ли в третьей пятилетке удастся преодолеть все религиозные предрассудки. (Если) для перегона в экономике капиталистических стран надо 10-15 лет, то и для полного преодоления религиозных пережитков вряд ли можно говорить о сроках более коротких.

Можно было ожидать, что Е. Ярославский объявит о планах третьей «безбожной пятилетки». Ведь им уже заявилось о необходимости воссоздания антирелигиозной организации из 5-6 миллионов членов, на IV расширенном пленуме Центрального совета СВБ в 1938 г. прозвучало его обещание: «Если мы усилим свою работу, то следующее десятилетие станет временем полного освобождения масс от реакционного влияния религии». Однако же без воздействия партийного руководства третья «безбожная пятилетка» так и не была провозглашена. Не состоялся и планируемый III съезд СВБ.

«IV пленум ЦС СВБ, почти сплошь состоявший из кооптированных членов, в 1938 году провести III съезд Союза безбожников, но Ярославский и

его «команда» побоялись настоять на этом перед Сталиным, который все меньше, судя по всему, видел для себя проку в деятельности этой организации». Союз безбожников переживал глубокий кризис, и только усилиями прессы искусственно создавалось впечатление о его кипучей жизнедеятельности.

Количество числившихся членами СВБ упало с 5670 тыс. в 1932 г. до 2000 тыс. в 1938 г., вместо запланированных 22 млн. В реальности их было гораздо меньше, так как процент уплачивающих членские взносы понизился с 45 до 13 (то есть платило их лишь 260 тыс. человек) Людям надоедал казенный, бюрократический стиль работы организации, свое формальное членство в ней, участие в бесконечных кампаниях, «безбожных займах», сборах денег на «безбожные» подлодки эскадрильи, танковые колонны и т.д. Сокращалось количество организаций СВБ, его издательская деятельность. Тираж ежемесячного иллюстрированного журнала «Безбожник» упал с 230 тыс. в 1938 г. до 155 тыс. на следующий год. Содержание ежемесячника «Антирелигиозник» становилось все более примитивным и однообразным. Его объем при тираже 40-50 тыс. экземпляров сократился со 130 страниц до 64 в 1940 г., но многие номера выходили сдвоенными и содержали не более 80 страниц. На совещании в ЦС СВБ в апреле 1939 г. признавалось, что резкого перелома к лучшему в работе союза не произошло. Еще через полгода Центральный совет отмечал: «Большинство ячеек Союза воинствующих безбожников не ведут систематической антирелигиозной работы. Являются пассивными, бездеятельными»⁶. Не проявлял активности в борьбе с религией в конце 1930-х гг. и комсомол, тем более, что указания партийного руководства в этой сфере уже были противоречивы и непоследовательны. Не испытывал склонности к данному «участку работы» и новый руководитель комсомола Н. А. Михайлов (в конце 1938 г. сменивший арестованного А.В. Косарева), тяготясь и опасаясь его. Неслучайно в 1938-1939 гг. ЦК ВЛКСМ не обсудил на заседаниях бюро и

⁶ Антирелигиозник, 1939г. №5.с.54; там же, №9 Алексеев В.А. Указ.соч.с.179

секретариата ни одного целевого вопроса по антирелигиозной работе среди детей и юношества. И даже в текстах таких постановлений пленумов ЦК, как «Об улучшении работы комсомола в деревне», « О работе организаций ВЛКСМ в связи с решением XVIII съезда ВКП (б). « О работе комсомола в начальной и средней школе» никаких указаний комитетам комсомола по части активизации антирелигиозной работы вообще не было⁷.

Опыт 1930-х гг. показал, что даже в самых неблагоприятных для Церкви условиях, при полной монополии антирелигиозной печати, успехи воинствующего атеизма, несмотря на всемерную помощь со стороны правительства, оказались чрезвычайно скромными.

В то же время к 1939 г. Русская Православная Церковь как организационная структура в результате жесточайших гонений и открытого террора была практически разгромлена. Из примерно 37 тыс. православных храмов всех течений, действовавших на начало 1930г., в 1938 г. оставалось формально незакрытыми 8302 (в том числе 3903 на Украине и 3617 в РСФСР). Однако реально из них действовала лишь небольшая часть, так как следствием массовых репрессий стала острая нехватка духовенства. Так, уже в 1936 г. на Украине из 4487 незакрытых молитвенных зданий действовало лишь 116. К сожалению, сохранившиеся в архиве учетные сведения, отражающие динамику сокращения численности религиозных объединений в конце 1930-х – начале 1940-х гг., отрывочны и приблизительны. Отсутствуют и данные о количестве православных приходов и священнослужителей в 1939 г.

Известно лишь, что летом 1939 г. в Патриаршей Церкви осталось только четыре правящих архиерея – Патриарший Местоблюститель, митрополит Московский Сергей (Строгородской) митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), Архиепископ Петерговский Николай (Ярушевич), управляющий Новгородской и Псковской епархиями, архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский), с 1937 г. занимавший

⁷ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 173.

должность управляющего делами Московской Патриархии⁸. Каждый из них был по своему выдающимся церковным деятелем, обладавшим большими организаторскими и дипломатическими способностями. Все они в тот или иной период могли претендовать на вакантный пост Патриарха русской церкви. Еще около 10 уцелевших архиереев Патриархии находились на покое или совершали богослужения как настоятели храмов. Так, епископ Астраханский Андрей (Комаров), уволенный в апреле 1939 г. на покой, в октябре был назначен на место приходского священника в город Куйбышев. Вся церковная жизнь Куйбышевской епархии сосредоточена была тогда вокруг этой одной церкви.

Под Москвой, на даче у родственников, проживал как частное лицо будущий экзарх Украины. Архиепископ Иоанн (Соколов), отбывший незадолго перед этим ссылку. В Красноярске на положении ссыльного жил епископ Лука (Войно-Ясенецкий), работая главным хирургом-консультантом городских госпиталей. Под Ростовом-на-Дону жили на покое епископ Таганрогский Иосиф (Чернов) и архиепископ Ростовский Николай (Амасинский), в Киеве-схиархиепископ Дмитрий (Абашидзе) и т.д.

Епархий как административных единиц в 1939 г. уже почти не существовало, и отдельные приходы поддерживали нерегулярную связь с Патриархией. Не запрещенная официальная Церковь по своему фактическому положению стала приближаться к нелегальной организации, так как общение с «церковниками» считалось признаком политической неблагонадежности со всеми вытекающими последствиями.

Таким образом, Патриархия оказалась в значительной степени отрезанной от своей паствы и кроме того, с середины 1930-х гг. почти

⁸ Алексей (Симанский Сергей Владимирович, 1877-1970) – Патриарх Московский и всея Руси. Закончил Московский Николаевский лицей, в 1899 юридический факультет МГУ и в 1904 МДА. В 1902 пострижен в монашество. В 1903-иеромонах. Работал по учебному ведомству. 1913-еп. Тихвинский, викарий Новгородский, 1921-еп. Ямбургский. В 06. 1922 после ареста митр. Вениамина (Казанского) возглавил Петроградскую епархию, вел переговоры с обновленцами, но вскоре порвал с ними и оставил свой пост. 21.10.1922 арестован и сослан на 3 года в Семипалатинск. В 1926-архиеп. Хутынский, управляющий Новгородской епархией. С 07. 1927- постоянный член Синода при митр. Сергии. С 18.05.32-митр. Старорусский. С 11.08.1933-митр. Новгородский, с 05.10.1933-митр. Ленинградский. Согласно патриаршему завещанию с 1944г. Местолюбитель. А с 02.02.1945-Патриарх

полностью – от связей за границей. Однако она не была уничтожена полностью. Процесс над « Всесоюзным контрреволюционным центром церковников» во главе с митрополитом Сергием так и не состоялся. Хотя по воспоминаниям близких к нему людей, в конце 1930-х гг. Владыка постоянно ожидал ареста.

Ряд зарубежных историков полагает, что существование катакомбных (тайных) приходов являлось одной из важных причин того что Патриаршему Местоблюстителю удалось сохранить к 1939 г. несколько сет приходов и сокращенное до минимума церковное управление. «Советское правительство. Очевидно, боялось, что бы вся Церковь не ушла в подполье, так как официальная и строго контролируемая церковь представляла меньшую опасность. Чем подпольная».

Интересным источником в этом плане являются найденный после второй мировой войны историком В.И. Алексеевым а архиве Еврейского института Нью-Йорка меморандум « Заметки о положении Православной Церкви в Остланде», написанный митрополитом Сергием (Воскресенским) 12 ноября 1941 г. в Риге для германского командования. Объясняя немцам положение Московской Патриархии и причины положения ее существования он говорил о решающей роли в этой деятельности катакомбного движения и ее психологического давление на атеистическое государство: « Следует заметить. Что насильственный роспуск общественно признанного руководства Патриарха вызвал бы только в жизнь тайное руководство Патриархом, что значительно затруднило слежку за ним со стороны полиции. Вообще же существовала в России очень живая тайная религиозная жизнь (тайные священники и монархи; тайные молитвенные места; тайные богослужения; крестины; исповеди; причастия; свадьбы; тайные теологические занятия; тайное хранение Священного Писания, литургической утвари, икон, богослужебных книг; тайные сношения между общинами, епископствами и руководством Патриарха и т.д.) Если бы захотели так же уничтожить и тайное руководство Патриархом, то должны

были бы казнить и всех епископов, среди них и тайных, которые в такой нужде были созданы одним за другим. И если мы посчитаем невероятным, что когда-то все же удастся совершенно уничтожить церковную иерархию, то религия все же остается здесь, а атеистическая пропаганда не сделала ни шагу вперед. Советское правительство поняло это и поэтому предпочло, чтобы руководство патриархом существовало».

Действительно, в 1930-е гг. тайные богослужения широко распространились. Их совершали сотни священников, уклонившихся от ареста или освобожденных, а затем скрывших свое прошлое. Большая часть этих «полукатакомбщиков» не была принципиальным противником Патриаршего Местоблюстителя и некогда не порывала с ним. Они ушли в подполье только потому, что открытое совершение религиозных обрядов на территории очень многих областей и республик оказалось невозможным. Признавая митрополита Сергия законным временным главой Русской Церкви, эти священники после 1943 г., когда подобное стало возможным. Восстановили с ним каноническую связь и литургическое общение.

Деятельность катакомбников, несомненно, вызывала тревогу властей. Уже в 1937 г. в партийной прессе отмечалось влияние «невидных руководителей» на рядовую массу верующих и даже на советский и колхозный актив, вплоть до комсомольцев и членов ВКП(б). А через два с половиной года прямо признавалось, что закрытие церквей ведет к увеличению нелегальных религиозных организаций. Но сохранение высокой религиозности населения СССР, распространение тайных богослужений было только одной из целого ряда внутренних и международных причин намечавшегося в 1939 г. свертывания антицерковных акций. Массовое насильственное закрытие храмов явно усиливало недовольство широких слоев населения, в том числе рабочих. Среди множества обращений верующих в различные органы власти конца 1930-х гг. с просьбами и требованиями о сохранении церкви, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, имеется, например, коллективные

послания 1938 г. рабочих Выборгского района Ленинграда. Это становилось опасным не только в политическом, но и в экономическом отношении, сказываясь на эффективности труда: усиливался бессознательный, а порой и сознательный саботаж.

1.2 Присоединение Прибалтики, Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР и оживление религиозной жизни.

Важную роль начинала играть надвигавшаяся вторая мировая война. Советское руководство было заинтересовано теперь в укреплении единства нации, а не в разделяющих нападках марксистского пуризма и атеизма. Переломным моментом в этом плане стало события сентября 1939 г. – вступление советских войск на территорию Польши и присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Правительство оказалось перед фактом включения в государственную жизнь страны областей с нетронутой гонениями религиозной жизнью. В состав населения СССР осенью 1939 г. и летом 1940 г. с присоединением стран Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины вошло свыше 7500 тыс. православных верующих, организованных в епархии и приходы.

Вновь в стране после длительного перерыва появились действующие монастыри, церковные и монастырские земельные угодья. Духовные учебные заведения, благотворительные учреждения, церковные библиотеки, редакции религиозных газет, журналов и т.п. Точно известно число православных монастырей на присоединенных землях – 64 с 5100 населенниками, в том числе в Бессарабии-25, в Западной Украине – 19, белоруссии - 14, Латвии – 1, Литве – 3, Эстонии – 2. Численность же приходов установить сложнее. В архивных документах имеются сведения об их количестве в Западной Белоруссии – 749, Бессарабии – 893, Латвии – 164, Эстонии – 164, Литве – 72, однако относительно Западной Украины и Северной Буковины они отсутствуют. Известно лишь, что общее число формально зарегистрированных православных приходов на Украине на конец 1938 – середину 1940 гг. выросло с 3903 до 5181. То есть на 1278. Переставшие функционировать религиозные общества в данной республике в тот период с регистрации почти не снимали, и цифра примерно в 1300 новых украинских приходов представляется наиболее верной. В работах

западных истоиков можно встретить явно ошибочное утверждение, что на присоединенной территории Польши находилось около 1200 православных церквей (и украинских и белорусских). Тот же В. И. Алексеев в другом месте своей книги пишет, что на Волыни (Западная Украина) в годы войны действовало свыше 600 храмов только Автономной Украинской Церкви. Впрочем, он занижает и численность православных приходов на других присоединенных землях. Например, в Прибалтике – до 300. Таким образом, общее количество действующих православных церквей в СССР увеличилось за счет территориальных приобретений на 3350.

Особо следует отметить большое количество богословских учебных заведений. В Эстонии имелась Духовная семинария в Печорах и православный богословский факультет в Дерптском университете, в Латвии – Духовная семинария в Риге и православная секция при протестантском факультете Рижского университета. В Бесарабии была Духовная семинария в Кишиневе, а в Северной Буковине Духовная семинария в Черновцах. Наконец, на бывшей польской территории существовали две Духовные семинарии – Кременецкая и Виленская (хотя они в связи с проводившейся тогда в Польше общей школьной реформой находились уже на стадии ликвидации), а также две постоянные школы псаломщиков. Одна находилась при Богоявленском монастыре в Кременце (Волынская епархия), а вторая – при Свято- Онуфриевском монастыре в Жировицах (Гродненская епархия) и их судьбе школьная реформа не угрожала. Кроме того, в несколько раз выросло число правящих православных архиереев в СССР, только в республиках Прибалтики их было восемь: митрополит эстонский и Таллинский Александр (Паулус), епископ Нарвский Павел (Дмитриевский), епископ Печерский Николай (Лейсман), заштатный, не признававший автономии Эстонской церкви. Бывший Печерский епископ Иоанн (Булин), митрополит Рижский и Латвийский Августин (Петерсон), архиепископ Елгавский Иаков (Карп) епископ Якобштадтский (Ерсикский), Александр (Витол), митрополит Ковенский и Литовский Елевферий (Богоявленский).

Семь архиереев имелось в бывших польских восточных областях: архиепископ Виленский и Литовский Феодосии (Феодосиев), архиепископ Полесский и Пинский Александр (Иноземцев), архиепископ Волынский и Кременецкий Алексей (Громадский) епископ Острожский Симон (Ивановский), епископ Камень-Каширский Антоний (Марценко), епископ Луцкий Поликарп (Сикорский) и бывший епископ Пинский и Новогрудский Пантелеймон (Рожновский)⁹, за непризнание автокефалии польской Православной Церкви находившейся в заточении в Жировицком монастыре.

Перед советским руководством встал стрый и неотложный вопрос определения своей религиозной политики на новых территориях. Решение его проходило в свете необходимости ассимилировать и политически нейтрализовать миллионы новых, в основном православных граждан. Правительство осознавало, что этого невозможно достигнуть открытой антицерковной кампанией. Обычно советские пограничные зоны контролировались особенно тщательно – церкви там закрывались полностью. Но ликвидировать тысячи приходов и десятки монастырей западных областей в обозримые сроки было нереально. От обычной политики пришлось отказаться. Рискованно для советской власти было массовое недовольство населения гонениями на церковь, когда германская армия стояла у границы. Кроме того. Был учтен и благоприятный для СССР факт дискриминации польскими властями Православной Церкви. Передсамым началом второй мировой войны они закрыли сотни храмов на том основании, что царское правительство в XIX веке возвратило их из унии в Православие. Так, в Холмщине из 393 православных храмов в 1914 г. к 1938г. осталось 227, а к сентябрю 1939 г. – 53, причем 140 церквей и 2монастыря были разрушены. Естественно, что подобные акции вызывали сильное недовольство и создали почву для роста симпатии к СССР. Этим во многом объясняются нередкие случаи, когда православные священники в сентябре 1939 г. организовывали праздничные встречи с населением частей советской

⁹ Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 45

армии и вывешивали красные флаги на колокольнях. В подобных условиях правительству СССР было особенно трудно начать сразу массовые гонения на Церковь и ликвидировать еще не закрытые поляками храмы.

Документы конца 1939 г. свидетельствуют о признании советским руководством факта гораздо более сильного влияния Церкви в Западных областях, чем на остальной территории СССР, и его намерении проводить более осмотрительную религиозную политику. Она заключалась в использовании хорошо контролируемой Московской Патриархии – подчинении ей православных иерархов и приходов. При этом учитывались национальные чувства западных украинцев и белорусов, воссоединившихся с восточными; русских, живших в Прибалтике; православных молдаван, эстонцев, латышей и карелов, близких к русским по своей культуре. Подобная практика стала первым примером использования Московской Патриархии для распространения советского влияния на вновь приобретенные или попавшие под контроль территории. Он оказался успешным и получил широкое распространение после окончания второй мировой войны.

Считаясь с новыми массами православного населения и нуждаясь в деятельности Московской Патриархии, советское государство в конце 1939-1940 гг. стало создавать видимость религиозной терпимости в стране, значительно уменьшив масштабы антицерковных акций. Как справедливо отмечал историк У. Флетчер: «Сергий впервые с тех пор, как он возглавил церковь, оказался в таком положении, что мог требовать уступок от правительства¹⁰. В течении 1939 г. менялся тон публикаций в партийной прессе. Так, Ф. олещук, который в 1938 г. «докладывал» о разоблачениях и высказывался о духовенстве и верующих как о врагах, теперь писал: 2 только незначительное меньшинство в рядах религиозных организаций составляют классово-враждебные элементы...большинство верующих это наши люди, отсталые рабочие и крестьяне». Он же обвинял в закрытии церквей «врагов

¹⁰ Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны.с.39

народа» - левых уклонистов, якобы стремившихся озлобить верующих и создавших «своеобразный рецидив контрреволюционного троцкизма». А в апреле 1940 г. Ф. Олещук со страниц главного идеологического печатного органа ВКП(б) осуждал разворачивавшуюся антирелигиозную деятельность в западных областях за чрезмерную агрессивность, советуя не организовывать пока в них ячейки СВБ и говорил о необходимости прекратить ликвидацию храмов, которая ведет к образованию «церковного подполья»¹¹.

Почти в то же время и журнал «Антирелигиозник» определил «внешне эффективную деятельность по закрытию церквей! Как вредную шумиху»¹². Процесс закрытия остановить сразу было невозможно, но такая тенденция наметилась. Как уступка сохранившим религиозную традицию западным украинцам и белорусам была воспринята в стране отменена в 1940 г. в СССР пятидневной рабочей недели и восстановление воскресного отдыха. Существенно изменилось положение Московской Патриархии. Теперь угроза ее ликвидации была полностью снята; более того. Хотя и крайне осторожно, убирались некоторые запреты. Патриарший Местоблюститель вновь стал совершать архиерейские хиротонии, замещались пустующие кафедры и т.п. Весной 1940 г. Патриархия приступила к «устройству церковных дел» во вновь присоединенных областях. Ей предстояло передать местным священнослужителям свой богатый опыт церковной деятельности в условиях атеистического государства. Важность поставленной правительством задачи подчеркивает тот факт, что в западные области были посланы двое из четверых уцелевших архиереев – архиепископы Николай (Ярушевич) и Сергей (Воскресенский), причем владыка Николай согласился только под сильнейшим давлением. Его назначили временным экзархом Западной Украины и Белоруссии. Владыка же Сергей в январе 1941 г. стал митрополитом Литовским и Виленским, а в марте экзархом Латвии и Эстонии. Кроме того, на Кишиневскую кафедру был назначен епископ

¹¹ Олещук Ф. Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных предрассудков.с.48

¹² Теляковский Е. Церковь в настоящее время // Антирелигиозник. 1940 №2.с.25

Алексей (Сергеев). Несмотря на наличие 15 местных архиереев в Москве, провели хиротонии 4 новых епископов для западных областей. В важнейших монастырь – Свято-Успенскую Почаевскую Лавру на Волыни из РСФСР прислали в качестве наместника архимандрита Панкратия и архимандрита Нектария – его помощником.

Уже весной 1941 г. состоялись хиротонии во епископа Черновицкого Дамаскина (Малюты) и во епископа Пинского Вениамина (Новицкого).

Действовать всем им пришлось в сложных условиях. Местное население первоначально считало архиереев из Москвы чуть ли не «агентами ЧК». Кроме того, несмотря на осторожную политику, в присоединенных областях намечалось все же постепенное приведение религиозной жизни в соответствии с советским законодательством. Соответственно на бывшей польской территории уже 29 октября 1939 г. было объявлено о национализации церковной собственности. Были закрыты все духовные учебные заведения, в школах прекратили преподавания Закона Божия, духовенство (по примеру СССР) обложили высокими налогами, ликвидировались религиозные партии и церковные общественные объединения, закрылись церковные типографии, часть монастырей и отдельные храмы. Был даже случай взрыва собора в Пинске. Во многих обителях сокращали число монашествующих. Так, в Почаевской Лавре оно уменьшилось с 300 до 80.

Хотя воссоединение духовенства западных областей с Московской Патриархией проходило в подавляющем большинстве случаев добровольно, и здесь не обошлось без административного вмешательства советских властей. Тех священнослужителей, которые пытались отстаивать принципы автокефалии (самостоятельного управления), депортировали в Сибирь. Всего по данным, приводимым В. И. Алексеевым и Ф. Ставру, до 22 июня 1941 на бывшей польской территории было арестовано 53 священника, 10 из них позднее освободили, 37 пропали и 6 умерли или были расстреляны. Из 15 архиереев практически все согласились с переходом в

Московскую Патриархию, большинство ездило для воссоединения в столицу. Однако архиепископ Алексей (Громадский) и епископ Иоанн (Булин) все же подвергались арестам, а архиепископ Алексадр (Иноземцев) был вынужден уйти на покой. В качестве оправдания этих или иных подобных мер в печати заявлялось, что среди духовенства и церковного актива особенно много тех, кто борется с советской властью и выступает за возвращение старых порядков.

Переход священослужителей в Московскую Патриархию облегчался тем, что Польская Православная Церковь отделилась от Русской в 1923 г. в значительной степени под давлением польского правительства. Автокефалия ей была дарована Вселенским (Константинопольским) Патриархом и никогда не признавалась Московской Патриархией. Глава Польской Церкви митрополит Дионисий (Валединский), хотя и русский по происхождению, оказавшись под давлением правительства и украинских националистов, поддерживал как полонизацию русских и белорусских приходов, так и украинизацию украинских. Это вызывало недовольство многих священников и части архиереев. В 1939 г. митрополит Дионисий остался на территории, отошедшей к Германии, и влиять на церковную жизнь в бывших восточных областях Польши уже не смог.

Более сложной была ситуация в республиках Прибалтики, на территории которых проживало 450 тыс. православных. Здесь только Литва, где православными были русские и белорусские меньшенства. Оставалась к 1939 г. в юрисдикции Московской Патриархии. В 1924-1940 гг. Литовской Церковью бесценно управлял бывший Виленский архиепископ, а с 1928 г. митрополит Елеферий (Богоявленский). С 1931 г. ему было поручено возглавлять все православные приходы в Западной Европе, остававшиеся в юрисдикции Московской патриархии. Эстонская же Православная церковь в 1923 г., а Латвийская в 1936 г. провозгласили автономию под юрисдикцией Константинопольского Патриарха. Так как это было сделано без канонического отпуска их Московской патриархии, последняя никогда не

признавала законность данного акта. Причиной его являлось не только бедственное положение Русской Церкви в СССР, решающую роль здесь сыграло стремление получивших независимость государств предельно оградиться от какого бы то ни было российского влияния. Упорное сопротивление русского духовенства (особенно монахов Псково-Печерского монастыря) в Эстонии удалось сломить в 1920-е гг., а в Латвии только во второй половине 1930-х гг. Так. Например оказалась закрыта влиятельная организация «Единение русских православных студентов Латвии».

В июле 1940 г. республики Прибалтики вошли в состав СССР и уже в августе Синод, а затем и глава Латвийской Православной Церкви Митрополит Августин (Петерсон) под давлением верующих и оппозиционного духовенства ходатайствовали перед Московской Патриархией о воссоединении с Русской Церковью. В том же месяце с подобным ходатайством обратился и глава Эстонской Церкви митрополит Александр (Паулус) после получения разрешения советских властей в конце 1940 г. в Прибалтику в качестве полномочного представителя Московской Патриархии с целью обсудить условия воссоединения, выехал архиепископ Сергей (Воскресенский). Первоначально главой православных приходов Латвии и Эстонии был назначен митрополит Елевферий, но в январе 1941 г. он скончался и новым митрополитом Литовским, а затем и экзархом Прибалтики стал Сергей.

Указом Московской Патриархии от 24 марта 1941 г. был учрежден экзархат, то есть особая митрополичья область, в состав которой входили Латвийская и Эстонская епископии. Никто из иерархов не лишался сана. Распускались Синоды в Латвии и Эстонии и Епископское управление в Литве. Вместо них митр. Сергей должен был создать в соответствующих викарных епископствах управления экзархата, а также периодически созываемый Синод епископов, которые по отношению к нему имели только совещательные права. Таким образом посланник с Москвы становился руководителем, с совершенно независимым от местного духовенства. 28

марта митрополиты Августин и Александр в кафедральном соборе Москвы исполнили процедуру публичного покаяния в грехе раскола, клятвенно обещали хранить в дальнейшем постоянную верность Русской Церкви и были приняты в литургическое общение. Согласно достигнутому компромиссу – в Эстонии митрополит Александр должен был на правах викария непосредственно окормлять эстонские общины, а епископ Нарвский Павел – русские, в Латвии русские – сам митрополит Сергей, а латышские – митрополит Августин и епископ ерсикский (будущий Мадонский). Александр, поселившийся в Риге, митрополит Сергей перед этим в течении почти четырех лет фактически являлся «вторым человеком» в Московской из большой патриархии был лично близок Патриаршему Местоблюстителю и сразу повел себя решительно властно. Согласно воспоминаниям прибалтийского духовенства: «чувствовалось, что приехал не представитель гонимой большевиками церкви, а полномочный представитель Москвы, облеченный большой властью».

В частности, их поражало, как легко владыка добивался прямой телефонной связи с различными организациями столицы СССР. Экзарх начал, прежде всего, с «подтягивания» духовенства в уставном отношении: запретил сокращать богослужение, отпевать протестантов по православному чину и т.д., затем стал проводить административные преобразования.

Секретари его также его приехали из Москвы, однако духовником своим митрополит взял настоятеля Рижского собора протоиерея Василия Евстафьева. В Прибалтике советские власти действовали еще более осторожно, чем на бывших польских территориях, и приведения религиозной жизни в соответствии с законами СССР, в том числе и национализации церковной собственности, там фактически не произошло. Почти полностью избежало прибалтийское духовенство до начала войны и арестов, депортаций.

Несмотря на всю появившуюся «осторожность» в политике по отношению к Церкви и в 1939-1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в

них считалось строительство без религиозного общества. В этой связи все большую озабоченность властей начинало вызывать активизация уерковной жизни в СССР, от части под влиянием примера новых западных областей. Интересные факты приводятся к докладной записки начальнику Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову из ЦК КП(б) Белоруссии- «Сообщение о фактах деятельности церковников в западных областях БССР» от 27 февраля 1941 г. В ней говорится, что после поездки в апреле 1940 г. в Жировицкий монастырь архиепископа Сергия (Воскресенского) «деятельность церковников» заметно усилилось. В обители разместились вновь созданные консистории и Гродненский епархиальный совет. Возглавил их епископ Пантелеймон (Рожновский), оставшийся верным Московской Патриархии все 1920-1930-е гг. За 1940 г. в монастыре было организовано 4 крестных хода с большим количеством верующих (так, 14 октября участвовало более двух тысяч человек), многие из которых приезжали из различных городов Белоруссии. В докладной сообщалось так же о том, что в Пинской области местные власти пытались запретить колокольный звон, но это им не удалось. Приводились примеры «случаев администрирования и оскорбления религиозных чувств верующих», например, явного завершения налогов для священников. По тону записки чувствовалось, что белорусская партийное руководство очень обеспокоено и не довольноно «мягкой» церковной политикой.

На присоединенных территориях оказалось большое количество советских военнослужащих, членов их семей и многие из них активно включились в регилиозную жизнь. В.И. Алексеев и Ф. Ставру приводит в своей работе свидетельство бывшего настоятеля собора в Западной Украине, которая отмечает, что после появления советских граждан число крещений значительно выросло- с сентября 1939 по январь 1940 гг. на 30%, а за 1940 г. в трое.

Даже коммунисты и работники НКВД крестили своих детей, иногда родственники военных для этих целей привозили мальчиков и девочек из

РСФСР. На службах в храме всегда присутствовало много советских офицеров и солдат, причем одного из них, наиболее активно и регулярно посещавшего богослужения, арестовали прямо у дверей собора.

Как только пик репрессий спал, активизировалась деятельность церкви и на остальной территории СССР. Террор 1937-1938 гг. породил у значительной части граждан СССР страх перед неясным будущим за близких, за свою судьбу и лишь усилил религиозные настроения. Яркая картина воспроизводящая эти настроения в предвоенном Ленинграде, нарисованном в воспоминаниях эмигрантки Натальи Китер: «Воскресные и праздничные дни эти храмы были так переполнены, что не могли вместить всех притекавших...В эти дни причащались все поголовно. В Пасхальную ночь 1941 г. тысячные толпы народа стояли плечо к плечу вокруг храма, с горящими свечами в руках, и единодушно пели пасхальные песнопения, не обращая внимания на беснование конной милиции, тщетно пытающейся их разогнать, так как все уличное движение вокруг храма было нарушено. Эти сведения подтверждают материалы Центрального государственного архива историко-политической документации Санкт-Петербурга, а празднование Пасхи 1941 г. в Ленинграде.

Постепенно в ЦК ВКП(б) стало скапливаться все больше докладных о тревожной ситуации на «церковном фронте». Так, 18 июня 1941 г. уполномоченный Комиссией партийного контроля (КПК) по Орджоникидзевскому краю письме «Об антирелигиозной пропаганде...» сообщал председателю Комиссии А.А. Андрееву, что этот участок работы является одним из наиболее отсталых и запущенных, в 21 районе оргбюро и советы «Союзы воинствующих безбожников» полностью распались. В крае же активно функционируют 14 храмов (в том числе 11 обновленческих) и «остатки разгромленных контрреволюционных церковных элементов в глубоком подполье, причем и «вокруг действующих церквей и молитвенных домов группируются контрреволюционные элементы из церковников и белогвардейцев и ведут свою работу». В нескольких районах в пасхальные

дни не работало половины колхозников, в Новосилитском районе крестили своих детей даже «гиблые коммунисты»: заведующий военным отделом и инструктором райкома ВКП(б), заведующий рай здрав отделом и т. д. Многие верующие в СССР «не питали любви» советской власти, и в докладной приводится несколько резких публичных высказываний «церковников». Так, житель г. Ворошиловского Александр в январе 1941 г. говорил: « Все законные постановления, издаваемые советским правительством не во благо своего народа, а в защиту и укрепление низменных интересов кучки эксплуататоров, заседающих в кремле, которые думают только о себе, остальной народ давят, порабащают, и в результате весь народ закрепостили хуже, чем в средневековье...», а другой верующий, Иван, 7 апреля 1941 г. заявил: «Пусть они даже и не мечтают провести свою коммуну. Им это сделать не удастся, им придется без оглядки бежать. Они народу настолько насолили, что их будут бить везде и всякий их не пощадит...- и эта расправа с угнетателями осуществится в этом году». Уполномоченный КПК подчеркивал утрату эффективности административных мер¹³.

Так, в 1940 г. провалились попытки путем угроз, арестов и насилия закрыть храмы в городах Ессентуки и Черкеске, прихожане отстояли их. В результате делался вывод: «отрицательно влияют одни административные меры против действующих церквей, они толкают верующих в лапы контрреволюционных церковников, которые организуют подпольные молитвенные дома и используют эти слои к сколачиванию контрреволюционных группировок».

Письмо было переслано секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову с сопроводительной записью председателя КПК: «подобные сообщения поступают и от других уполномоченных о возрастающей активности церковников».

¹³ Алексеев В.А., ставру Ф. Указ. Соч.// Русская Возрождение, 1981г., №13. С. 79

Реакции такие «сигналы» последовала быстро. Уже в 1940 г. государственная религиозная политика вновь начинает постепенно ужесточаться. Весной на страницах антирелигиозной прессы опять появились критические материалы о бездеятельности комсомола на «безбожном фронте» и 15 июля было принято единственное за все 1940-е годы постановление ЦК ВЛКСМ об усилении борьбы с религиозностью: «о состоянии антирелигиозной пропаганды в Бухарской комсомольской организации». Оно оказалось «сконструированным» в духе документов СВБ: прямолинейным, ультимативным-приказным, ругательным». 27 февраля 1940 г. Наркомпрос РСФСР издал приказ о постановке антирелигиозной пропаганды в школе, а с 1940/42 учебного года в высших учебных заведениях СССР предполагалось ввести преподавание курса по истории религии и атеизма в объеме 60 часов.

1.3 Деятельность антирелигиозных общественных организации в СССР и дальнейшее закрытие церквей.

Предпринимались активные попытки, и оживить деятельность "Союза воинствующих безбожников". К 1941 г. официальная численность его членов вновь выросла — до 3,5 млн. Тираж антирелигиозных изданий в 1940 г. достиг 140 млн. экземпляров, а в течение первого полугодия 1941 г. (времени пика) издавалось 10 атеистических газет и 23 журнала. Однако этот рост носил в основном формальный, показной характер. Хотя в 1940 г. было проведено 239000 антирелигиозных лекций для аудитории в 11 млн. человек, это составляло среднюю посещаемость всего 50 человек на лекцию. Мало результатов принесло стремление перенести деятельность СВБ в новые западные районы СССР.

В докладной записке ЦК КП(б) Белоруссии "О мерах по укреплению антирелигиозной работы в западных областях Белоруссии" от 26 февраля 1941 г. сообщалось, что проверка ЦК этой работы в конце 1940 г. выявила ее слабость и многочисленные серьезные недостатки. Деятельность СВБ в основном заключалась в лекциях и докладах, причем за год оказалось прочитано всего 526 лекций. 10 февраля 1941 г. Бюро ЦК КП(б)Б было вынуждено принять специальное решение об организации систематической антирелигиозной пропаганды и агитации в западных областях республики, началась подготовка выпуска к лету атеистического учебника (тиражом всего 5 тыс. экземпляров).

Очень показательным для характеристики двойственности политики советского государства по отношению к Церкви и положения СВБ в тот период является последнее предвоенное программное выступление Е. Ярославского на всесоюзном совещании работников антирелигиозных музеев 28 марта 1941 г. С одной стороны, председатель ЦС СВБ предостерег против тенденции "упростителей антирелигиозной пропаганды" осуждать всех верующих как "слепых невежд и полных идиотов... Среди них много

совершенно лояльных советских граждан". Он призвал к терпению и предложил дифференцированный подход, в зависимости от ареала или региона, указав, что в новых советских республиках, где религия все еще сильна, не следует прибегать к грубой оскорбительности. Говоря о достижениях атеистической работы в новых западных регионах, Ярославский, однако, привел только одну цифру: 75 посетителей нового курса антирелигиозных пропагандистов в Эстонии (при населении республики в 1 200 000 человек).

Он сообщил также характерную статистику в целом по СССР: СВБ провел 484 антирелигиозных мероприятия в 1939 г. и 622 — в 1940 г., но общее число слушателей упало с 12622 до 10968, то есть составило менее 17 человек на каждом мероприятии; аналогично численность кружков СВБ увеличилась с 5089 до 9698, а число участников уменьшилось с 82536 до 71982 — около 7 человек в кружке; количество семинаров выросло с 4824 до 5068, но в их работе участвовало не 77231, а 77011 человек, несмотря на включение новых западных территорий. Призвав к умеренности, Ярославский в то же время, упомянув о том, что отмечаются лишь немногочисленные попытки вновь открыть церкви, не говоря уже о строительстве новых храмов, представил эти факты как свидетельство полного упадка религии в СССР. "Охотников, — резюмировал он, — обращаться с такими ходатайствами с каждым днем становится все меньше и меньше. А там, где такие ходатайства поступают, то потому, что инициаторами их являются — кулаки, служители культа и бывший церковный актив, единоличники".

В итоге руководитель СВБ призвал усилить "борьбу за окончательное преодоление религиозных предрассудков, так как "социализм... не мирится ни с какой верой в сверхъестественное, ни с какой религией".

Постепенно вновь усиливаются репрессии в отношении священнослужителей. По подсчетам ученых Свято-Тихоновского Богословского института и материалам комиссии Московской Патриархии по реабилитации,

если в 1939 г. произошло резкое падение этих репрессий, то в 1940 г. начинается их очередной подъем, прерванный лишь нападением Германии на СССР. В прессе снова появляются обвинения священников в шпионаже, например, статья "Религия на службе японского империализма" в журнале "Под знаменем марксизма"¹⁰.

В изданной весной 1941 г. ЦС СВБ книге "Вторая империалистическая война и церковь" в полном противоречии с логикой утверждалось: "Укрепление обороноспособности страны предполагает и развернутую борьбу с пережитками капитализма в сознании людей и, в частности, с религиозными пережитками. Религиозные проповеди в церквях, сектантская пропаганда, религиозные праздники отвлекают трудящихся от активного участия в общественно-политической жизни, в оборонной работе. Религиозные организации сплошь и рядом являются пристанищем для всякого контрреволюционного сброда, шпионов, диверсантов". Даже в июне 1941 г., за несколько дней до начала войны в статье "Патриотизм и религия" (журнал "Безбожник") столь же бездоказательно утверждалось: "Религия является злейшим врагом советского патриотизма... История не подтверждает заслуг церкви в деле развития подлинного патриотизма". Такая установка официальной пропаганды мало способствовала укреплению сплоченности населения перед Великой Отечественной войной.

Колебания правительственного курса остро воспринимались руководством Московской Патриархии. Патриарший Местоблюститель митр. Сергей постоянно пребывал в атмосфере внутренней напряженности, подвергаясь повседневной слежке. О встрече с ним в Москве осенью 1939 г. рассказывал епископ Пантелеймон (Рожновский). Отправляясь осматривать московские церкви, Местоблюститель прошептал на уху епископу: "Владыка, помолитесь прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут... Куда нас везут, сам не знаю..." Епископ Пантелеймон, прибывший на эту встречу из Западной Белоруссии, был потрясен. В 1940 г. руководству Патриархии казалось, что обстановка изменилась к лучшему. Но уже весной

1941 г. у митрополита Сергия вновь стали преобладать пессимистические оценки положения Церкви. Так, в мае он сказал захвавшему к нему по дороге^{14 15} из ссылки о. Василию Виноградову: "Раньше нас душили, но по крайней мере исполняли свои обещания. Теперь нас продолжают душить, но обещаний своих больше не исполняют". Сильнейший кризис в это время переживало обновленчество. Еще в начале 1938 г. насчитывалось 49 правящих обновленческих архиереев и 11 пребывавших на покое, но через год в результате репрессий их осталась лишь треть, а затем еще меньше. Ускоренными темпами закрывались церкви.

Так, к 1939 г. в обширной Ленинградской епархии осталось лишь 3 действующих обновленческих храма. Тяжелейший удар был нанесен обновленчеству одним из его основных руководителей митрополитом Ленинградским Николаем (Платоновым). В январе 1938 г. он публично заявил в газете "Известия" о снятии сана, отречении от Бога, церковного общества и стал работать сотрудником Музея истории религии. Видимо, желая в обстановке террора спасти свои жизни, от сана отреклись еще несколько обновленческих священнослужителей. Обновленческий первоиерарх в ответ на это, по сути, промолчал, он лишь уволил Платонова с должности. На освободившееся место Ленинградского владыки митрополит Виталий (Введенский) не назначил преемника, а поручил заведывание дел епархии протопресвитеру Алексею Абакумову.

В 1939 г. обновленческий первоиерарх вообще запретил епархиальным архиереям посещение своих приходских храмов, а также всякие рукоположения священников. Правда, "митрополит" Александр (Введенский) игнорировал это распоряжение, считая его посягательством на архиерейские прерогативы, и продолжал рукополагать клириков¹⁶. Это были так

¹⁴ Шейнман М. Религия на службе японского империализма // Под знаменем марксизма, 1991 г., №2, с. 180-188

¹⁵ Вторая империалистическая война и церковь (материалы к лекции). М.: ЦС, 1941 г. с. 25

¹⁶ Александр (Введенский) Александр Иванович, 1859-1946 гг.) обновленческий митрополит. Родился в (-Витебске в семье директора гимназии. Окончил юридический факультет СПбГУ, в 1914 г. Сдал экзамены за полный курс ДА. С27.08.1914 г. в сане священника. Назначен к церкви гвардейского запасного полка в Новгородской губ., с 01.09.1915 служил в церкви свв. Захарии Елизаветы в Петербурге, в 1921-05.1923 протоиерей, настоятель храма. С 1922 идейный глава и один из лидеров обновленческого раскола. 19.05.1923 г. хиротонисан во «епископа Крутицкого». С 1923 г. архиепископ, в 1924 г. архиеп. Лондонский и всея Европа.» В 1924 г. возведен в сан «митрополита» с названием «митрополит-апологет-благовестник» и назначен «управляющим Московской епархией». С 1923 постоянный член, заместитель председателя обновленческого Синода. С 1924 доктор богословия, профессор обновленческой Московской Богословской академии, с 1926 г. ректор, с 1933 г. «доктор христианской философии». В начале 1930-х настоятель храма Спасителя. С 04.1940 г. заместитель «первоиерарха», с 10.10.1941 «первоиерарх». С 1941-1943 жил в эвакуации в Ульяновске. Умер от паралича 08.08.1946 в Москве.

называемые священники-любители. Их рукополагали без назначения на приход, они работали в гражданских организациях, а когда надо было составить Введенскому "богослужебный антураж", сослужили ему. С 1939 г. "митрополит" Виталий и на пустовавшие кафедры, несмотря на неоднократные просьбы, никого не назначал. По сути, под давлением властей первоиерарх вел дело к ликвидации обновленческой церкви, и она постепенно умирала. Прекратились все связи с Православным Востоком, к 1941 г. от обновленцев осталась лишь горстка архиереев при 1-3 храмах в епархиях. Исключение составляли лишь Московская и Средне-Азиатская (имевшая по 6-7), а также Северо-Кавказская и Кубанская (включавшие по 10-11 храмов) епархии.

Правительство не было заинтересовано в успехе обновленцев в новых западных областях, так как там представители этого течения полностью отсутствовали. Поэтому некоторое оживление деятельности руководства обновленческой группировки наступило гораздо позднее, чем в Патриаршей Церкви, уже перед самой войной. В апреле 1941 г. опять было создано Высшее церковное управление из митр. Виталия и его заместителя митр. Александра (Введенского). Последний вновь начинает поездки по городам, производит ревизию церковной жизни. Так, 24 мая 1941 г. он приезжал в Ленинград, затем в Калинин. Но все это оживление носило крайне ограниченный характер.

В еще более тяжелом положении оказалось григорианство. В 1937 г. в обстановке террора фактически перестали существовать все их епархии — в Западной Сибири, Среднем Поволжье, в Ростовской области и на Урале. К этому времени основные руководители движения — митрополиты Григорий (Яцковский), Виссарион (Зорин), Борис (Рукин), Петр (Холмогорцев) умерли или были арестованы и погибли. Из 27 архиереев григорианского епископата, служивших в 1932 г., через 7 лет, к 1940 г. остались лишь 4 малоизвестных епископа, управлявших несколькими приходами. Почти полностью ушло в подполье иосифлянское движение. В конце 1930-х гг. существовало только 2

их официально действовавших храма — в Ленинграде и Московской области, причем последний был закрыт перед самой войной — весной 1941 г.¹⁷

Процесс ликвидации храмов. Православной Церкви в 1940 — первой половине 1941 г. продолжался. Еще летом 1940 г. в СССР на учете состояло 8296 православных обществ, то есть почти 5000 на старых территориях. Однако затем менее чем через год тысячи нефункционирующих храмов были сняты с регистрации.

Так, в заявлении в Леноблисполком из дирекции Музея истории религии от 16 июня 1940 г. указывалось: «В Ленинградской области по требованию трудящихся закрывается и ликвидируется большое количество культовых зданий. Имущество, находившееся в этих зданиях, имеющее подчас большую музейную ценность, в ряде случаев уничтожается. Так, например, было уничтожено культовое имущество ликвидированных церковью Поддорского района, причем старинные иконы, древние книги и другие культовые предметы сжигались, рукописи шли на макулатуру, парча продавалась для изготовления тюбетеек. Музей истории религии Академии наук СССР заинтересован в получении из ликвидируемых церковью предметов, имеющих музейное значение, и в связи с этим ходатайствует о предоставлении ему права первоочередного отбора соответствующих вещей...» Впрочем, во многих районах области последние действующие храмы исчезли еще в 1937- 1938 гг.

Даже в обеих столицах продолжалось закрытие и уничтожение церковей. Решение о ликвидации православного Греческого храма на Литовском пр. было принято президиумом Леноблисполкома 10 января 1939 г., Знаменскую церковь снесли весной 1941 г., уже летом готовилось уничтожение знаменитого собора Воскресения Христова (Спаса-на-Крови). Спасская церковь в вошедшем ныне в территорию Москвы с. Гиреево была закрыта весной 1941 г. На самом "пороге войны" на грани ликвидации

¹⁷ Паламарчук Н. Краткая иллюстрированная история всех Московских храмов. Т. 1. Кремль и монастыри М: Книга и бизнес, 1922г.с. 17

находилась московская церковь Илии Обыденного, несколько месяцев не действовал Казанский храм в Коломенском.

Бывший киевский монах Леонтий, ставший в годы оккупации епископом Украинской Автономной Церкви, а впоследствии епископом Чилийским, описал в своих воспоминаниях положение Церкви в предвоенные годы, совершенно справедливо утверждая, что в большинстве главных городов оставалось по одной открытой церкви, в то время как в более маленьких городах, как правило, не существовало ни одной.

Правда, далее он, сильно сгущая краски, писал, что в открытых церквях было оставлено по два священника, таких, которые согласились сотрудничать с НКВД. Они должны были доносить о содержании исповедей, о верующих должностных лицах и о подпольных священниках и мирянах. Епископ Леонтий приводит пример двух священников оставшегося в Киеве прихода. Один, очевидно, вызвал недовольство НКВД, был избит и после побоев скончался. Перед смертью в больнице он покаялся в своих грехах перед другими больными. У другого священника ушли жена и сын, взяв с собой черновики его донесений в НКВД. В 1941 г. жена донесла на него немцам, его арестовали, он сознался и был казнен; Не ставя под сомнение приведенные факты, следует отметить, что осведомителями НКВД являлась лишь небольшая часть уцелевших священнослужителей. Так, в Ленинграде в 1941 г. из 20 оставшихся представителей духовенства Русской Церкви эти "функции" исполняли только четверо.

Существуют разные точки зрения на количество действовавших православных храмов на территории СССР перед началом войны — в июне 1941 г. Ранее большинство исследователей исходили в своих расчетах из цифр, приведенных в издании советского посольства в Лондоне от 28 августа 1941 г. — 4225 приходов, 5665 священников и 28 епископов. Однако в последнее время и советские, и зарубежные историки некритично восприняли обнаруженную в архиве в докладе 1948 г. председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпова цифру в 3021

довоенный храм. Соответственно утверждается, что около 3000 из них находилось на присоединенных западных территориях, а на остальной части СССР — около ста. Так, например, О. Васильева говорила о 121 церкви. Но в документе Г. Карпова речь шла лишь о том, что в составе действующих на 1 января 1948 г. 14 329 храмов Русской Церкви довоенные составляли 3021. А ведь часть функционировавших в июне 1941 г. храмов к 1948 г. уже перестала существовать. Например, все три уцелевших к началу войны церкви в южных пригородах Ленинграда: Знаменская в Пушкине,

Николаевская в Колпино и Троицкая в Петергофе — сильно пострадали в результате боевых действий, и службы в них прекратились. В другом докладе Г. Карпова в ЦК КПСС от 14 февраля 1947 г., обнаруженном автором, приводится иная цифра довоенных православных храмов — 3732. Именно она представляется близкой к истине. В течение 1947 г. церкви в СССР почти не закрывались, и сокращение числа действовавших до войны храмов на 712 могло произойти только за весь период конца 1941-1947 гг. Поскольку из указанных 3732 церквей около 3350 приходилось на западные области и республики, в остальной части СССР оставалось примерно 350-400 действовавших православных храмов. Эта цифра подтверждается и подсчетами по отдельным епархиям. Так, только Москва с пригородами (32 храма), Грузия (27), Казахстан и Средняя Азия (7), Орджоникидзевский край (14), Север и Северо-запад России (всего 42: Ленинградская епархия — 21, Псковская — 8, Вологодская и Архангельская — по 5, Новгородская — 3) давали вместе 122 действовавших в июне 1941 г. православных церкви, что уже превышает цифру, указанную О. Васильевой. Вполне возможно, что специально не искажались и сведения, указанные в издании советского посольства. 500 же "лишних" храмов не были действующими, но в то время еще числились на регистрации. В работах О. Васильевой приведено и количество священнослужителей накануне войны — 6376 (вместе с западными областями). Однако источником этой цифры вновь послужил один из докладов Г. Карпова, в котором говорилось, что на 1 апреля 1946 г.

на территории СССР служило 9254 священника и диакона, из которых начали службу в годы войны 2878 человек. Таким образом, остальные лишь были посвящены в сан в более ранний период, а какая часть из этих людей служила в 1941 г. — неизвестно. Маловероятно, чтобы цифра в 5665 священников в сообщении ТАСС была заниженной. В любом случае количество храмов и священнослужителей, уцелевших к началу войны, было для такой страны, как СССР, просто процентов от уровня конца 1920-х гг.

В РСФСР в 25 областях не имелось ни одной действующей православной церкви, в 20 — от одной до пяти. На Украине — в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях были закрыты все храмы. По одному действовало в Ворошиловградской, Полтавской, Харьковской областях¹⁸.

Накануне Великой Отечественной войны казалось, что ВКП(б) близка к достижению провозглашенной цели в области религиозных отношений. "Бесцерковные" и "безбожные" деревни, поселки, города, районы и целые области насчитывались десятками и сотнями. Согласно проводимым тогда социологическим исследованиям и опросам, количество верующих якобы сокращалось. Официальные средства массовой информации и антирелигиозная литература свидетельствовали о "поддержке трудящимися массами" курса церковной политики государства, как наиболее полно обеспечивающего свободу совести. Но это была иллюзия. Уже через несколько месяцев ситуация кардинальным образом изменилась — началось бурное "религиозное возрождение".

Таким образом, в 1939 г. произошло изменение курса государственной религиозной политики, закончился десятилетний период открытого активного наступления на Церковь. Причины этой перемены были как внутренними, так и международными: репрессивные акции не помогли снизить высокую религиозность населения СССР; росло количество тайных богослужений; массовое недовольство людей закрытием храмов;

надвигавшаяся война требовала большего национального единства вместо атмосферы внутри гражданской борьбы, провоцируемой постоянными нападками на верующих; заинтересованность в использовании Московской Патриархии для распространения советского влияния на миллионы православных жителей присоединенных к СССР в 1939-1940 гг. областей и республик. Положение Церкви временно улучшилось, Патриархия получила возможность совершать архиерейские, хиротонии, замещать пустующие кафедры и т. д.

Но и в 1939-1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в религиозной политике государства оставалось скорейшее построение безрелигиозного общества. Обеспокоенное активизацией церковной жизни, уже к середине 1940 г. правительство вновь начинает ужесточение ее курса. Продолжается закрытие храмов, снова растет число арестов священников, в последний раз оживляется деятельность СВБ и т. п. Однако несмотря на почти полный разгром организационной структуры Русской Церкви, множество запретов, окутывавших ее со всех сторон, жесточайшие гонения, она сумела выстоять, выжить как институт. Все планы искоренения религии терпели неудачу, и это постепенно все больше осознавало советское руководство.

Глава II

Московская Патриархия и Советское государство в 1941-1945 гг.

2.1 Патриотическая деятельность РПЦ и помощь фронту.

22 июня 1941 г., в день всех святых, в земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз. Казалось бы, начавшаяся война должна была обострить противоречия между государством и церковью. Однако этого не произошло. Складывавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предубеждений. Несмотря на духовную несвободу, имения на них, верующие приняли самое активное участие в борьбе с агрессором. О нападении на СССР Патриарший Местоблюститель митр. Сергей узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из Богоявленского собора, где он служил литургию. Сразу же ушел к себе в кабинет, написал и собственноручно отпечатал на машинке "Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви". И это было в тот момент, когда многие государственные и партийные руководители пребывали в растерянности — и Сталин смог обратиться к народу только на двенадцатый день после начала войны. О каком-нибудь давлении властей на Патриаршего Местоблюстителя при написании им нового военного послания говорить не приходится. "Невзирая на свои (физические недостатки — глухоту и малоподвижность, — вспоминал позднее архиепископ Димитрий (Градусов), — митрополит Сергей начался на редкость чутким и энергичным — свое послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам необъятной Родины".

В послании говорилось: "Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Жалкие потомки врагов православного христианина хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед не правдой... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божий помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных

границ нашей Родины, Господь нам дарует победу". В своем обращении митр. Сергей не упомянул ни Советский Союз, ни его правительство. Он писал: мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охвативший почти и весь земной шар, до нас не дойдет..." (в этих словах можно найти упрек советским властям, еще в июне 1941 г. уверявшим, что войны не будет).

Местоблюститель призывал священников не оставаться молчаливыми свидетелями и тем более не предаваться "лукавым соображениям" о "возможных выгодах" по другую сторону фронта, было бы, по его словам, "прямой изменой Родине и пастырскому долгу". Здесь звучал намек на то, что после всех репрессий у некоторых священнослужителей могли появиться подобные мысли. Это пастырское послание было разослано по всем приходам страны и уже вскоре читалось после богослужений.

26 июня в Богоявленском соборе митр. Сергей отслужил молебен "о даровании победы". С этого времени во всех храмах Московской Патриархии стали совершаться подобные молебствия, по специально для них составленным текстам: "Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви в дни Отечественной войны".

В проповеди, произнесенной Местоблюстителем после молебна 26 июня, также содержалось прямое указание на то, что положение в СССР перед войной было неблагоприятно: "Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной... Мы уже видим некоторые признаки этого очищения". Так началось активное участие Русской Церкви в патриотической борьбе. В речи на Архиерейском Соборе 1943 г. митр. Сергей, вспоминая июнь 1941 г., говорил: "О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться".

26 июля глава Ленинградской епархии митрополит Алексей (Симанский) написал свое обращение к духовенству и мирянам "Церковь зовет к защите Родины". Особенную же известность получило его слово за

литургией, произнесенное 10 августа в Московском Богоявленском соборе.

Он говорил прежде всего о патриотизме и религиозности русского народа: "Как во времена Димитрия Донского и св. Александра Невского, как в эпоху борьбы с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа Русского народа, но и его глубокой вере в помощь Божью правому делу... мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу над ложью и злом, в окончательную победу над врагом". С аналогичными обращениями выступили и другие православные иерархи.

Послания главы Русской Православной Церкви носили не только призывный и консолидирующий характер, но и имели разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом независимо от положения на фронте. Так, 4 октября 1941 г., когда Москве угрожала смертельная опасность к население переживало тревожные дни, митрополит Сергей выпустил послание к московской пастве, призывая к спокойствию верующих.¹⁹

В ноябре 1941 г., уже находясь временно в Ульяновске, митр. Сергей издал новое обращение, укрепляющее в народе уверенность в близком часе победы: "Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлет успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспеяния человечества".

Особое внимание в своей патриотической деятельности Русская Православная Церковь уделяла работе с верующими на оккупированной территории. В январе 1942 г. в специальном обращении к православным людям на временно оккупированной немцами территории Патриарший Местоблюстителю напомнил, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали, что они — русские, и сознательно или по недомыслию не оказались предателями своей Родины.

Одновременно митрополит Сергей призывал содействовать партизанскому движению. Так, в Послании было подчеркнуто: "Пусть ваши

¹⁹ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война, с. 7

местные партизаны будут для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению от фашистского плена".

Всего за годы войны Патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, откликаясь на все основные события в военной жизни страны. Патриотическая линия Церкви имела особое значение для православных христиан, миллионы которых участвовали в боевых операциях на фронте в партизанских отрядах, трудились в тылу. Тяжелые испытания лишения войны стали одной из причин значительного роста религиозности в стране. Представители разных слоев населения искали и находили в Церкви моральную опору и утешение, своеобразную психологическую нишу. Существует множество свидетельств активного проявления религиозных чувств буквально с 22 июня 1941 г. Так, упоминавшийся торжественный молебен 26 июня в Богоявленском соборе Москвы "прошел при исключительно большом стечении народа как внутри, так и вокруг храма.

И посланиях иерархов и проповедях священников Церковь не только утишала верующих в скорби, но и поощряла их к самоотверженному тылу в тылу, мужественному участию в боевых операциях, поддерживала веру в окончательную победу над врагом, способствуя тем самым формированию высоких патриотических чувств и убеждений среди тысяч соотечественников. Кроме того, и от имени Церкви подвергались осуждению дезертирство, сдача в плен, сотрудничество с оккупантами. Все это способствовало изживанию пораженческих настроений, получивших определенное распространение в первый период войны и в конечном итоге создавало "нравственные условия победы", которые в значительной мере изменили ход военных событий. Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны. Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 г. на свободу, отбыв срок в

лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии. Так, уже побывав в заключении, заместителем командира роты начал свой боевой путь по фронтам войны С. М. Извеков, будущий Патриарх

Московский и всея Руси Пимен. Наместник Псково-Печерского монастыря в 1950-1960-х гг.

архимандрит Алипий (Воронов) воевал все 4 года, оборонял Москву, был несколько раз ранен и награжден орденами. Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексей (Коноплев) на фронте был пулеметчиком; когда в 1943 г. он вернулся к священнослужению, на груди его блестела медаль "За боевые заслуги". Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем сражался в должности заместителя начальника полковой разведки. А знаменитый старший сержант Павлов, возглавлявший группу советских бойцов, несколько месяцев удерживавших "Дом Павлова" в центре Сталинграда, был до службы в армии монахом и т. д. В докладе Г. Карпова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову о состоянии Русской Церкви от 27 августа 1946 г. указывалось, что многие представители духовенства награждены орденами и медалями Великой Отечественной войны и приводились конкретные примеры: священник Ранцев (Татарская АССР) — орденом Красной Звезды, протодиакон Зверев и диакон Хитков (Крымская область) — каждый четырьмя медалями и др.

Активно участвовали священнослужители и в партизанском движении. На оккупированной территории они подчас являлись единственным связующим звеном между населением и партизанами. Священники укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, вели патриотическую агитацию среди населения, сами ветшали в ряды антифашистских отрядов. Десятки их были награждены медалью "Партизану Великой Отечественной войны". В том же докладе Г. Карпова говорится, что в Курской области священник Говоров скрывал у себя бежавших из фашистского плена летчиков и помог им перейти к своим, а

протоиерей Семькин не только помогал пленным красноармейцам, но и после прихода советских войск мобилизовал местное население для дежурства и ухода за ранеными в полевом госпитале.

Особенно многочисленна были примеры участия священнослужителей в антифашистской борьбе на оккупированной территории в "партизанской республике" — Белоруссии. Так, протоиерей Александр Романушко из Полесья с 1941 по лето 1944 г. лично участвовал в боевых операциях, ходил в разведку. В 1943 г. он при отпевании полицая при большом скоплении народа и в присутствии вооруженной охраны прямо на кладбище сказал: "Братья и сестры, я понимаю большое горе матери и отца убитого, не наших молитв и "Со святыми упокой" своей жизнью заслужил в» гробе предлежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо "Вечный памяти" произнесем же: "Анафема". Подойдя к полицаям, он просил их искупить свою вину, обратив оружие против фашистов. Эти слова произвели на людей очень сильное впечатление, и прямо с кладбища многие ушли в партизанский отряд. Из письма о. Александра, посланного осенью 1944 г. митрополиту Алексию (Симанскому) известно, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55% в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам.

Можно привести множество подобных примеров. Не случайно даже в выпущенном в годы войны кинофильме "Секретарь райкома" священник помогает партизанам, и в конце фильма набат церковного звона призывает на защиту Отечества. Подробнее о порой очень неоднозначных отношениях духовенства на оккупированной территории с партизанским движением» будет рассказано в следующем параграфе главы.

Необходимо отметить не только присутствие священнослужителей и составе действующей армии или антифашистского подполья, но и обращение к вере многих солдат, офицеров, партизан, в том числе старших командиров. Из свидетельства очевидцев известно, что начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников (полковник царской армии) носил финифтевый образ свят.

Николая и молился: "Господи, спаси Россию и мой народ!" Его преемником на посту начальника Генштаба стал сын священника из Кинешмы маршал А. М. Василевский. В освобожденной Вене в 1945 г. по приказу маршала Ф. И. Толбухина (брат которого — протоиерей служил все годы блокады в

Ленинграде) были отреставрированы витражи в русском православном соборе и отлит в дар храму колокол с надписью "Русской Православной Церкви от победоносной Красной Армии". Неоднократно свои религиозные чувства публично проявлял командующий Ленинградским фронтом маршал Л. А. Говоров, после Сталинградской битвы стал посещать православные храмы маршал В. Н. Чуйков.

Широкое распространение среди верующих получила убежденность, что всю войну с собой в машине возил образ Казанской Божией Матери маршал Г. К. Жуков. В 1945 г. он вновь зажег неугасимую лампаду в Лейпцигском православном храме-памятнике, посвященном "Битве народов" с наполеоновской армией. А в конце 1940-х гг., отправленный командовать Одесским военным округом, проезжая Киев, Г. Жуков принес в храм и попросил оставить в алтаре свою "военную" икону Казанской Божией Матери. Естественно, что верующими становились и рядовые солдаты, ежедневно рисковавшие своей жизнью. В одном из писем с фронта, характеризующем типичность ситуации того периода, солдат М. Ф. Черкасов писал домой матери: "Мама, я вступил в партию. .. Мама, помолись за меня Богу". О росте религиозности в армии в годы войны свидетельствуют архивные документы, очевидцы и даже литераторы, например, писатель В. Ф. Тендряков.

О проявлениях религиозных настроений в войсках, как правило, быстро становилось известно в вышестоящих инстанциях, но те, в основном, ограничивались пассивным наблюдением. Так, 16 февраля 1944 г. при взятии г. Луги советскими войсками генерал Лобанов вызвал в д. Заозерье ранее помогавшего партизанам священника М. С. Образцова и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень, работников штаба и

красноармейцев отслужить благодарственный молебен об одержании победы. После молебна генерал публично поблагодарил священника за антифашистскую деятельность. В отчете уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви в Марийской АССР за 1944 г. отмечалось: "... к великому сожалению, церковь посещает даже командный состав воинских частей. Характерный случай: верующие переносили в сентябре месяце иконы из Цибикнурской церкви в Йошкар-Олу, и по пути следования к этим иконам прикладывались... командиры воинских частей и жертвовали деньгами — было собрано 17 000 рублей" Г. Карпов, докладывая в ЦК ВКП(б) о праздновании Пасхи в московских и подмосковных храмах в ночь с 15 на 16 апреля 1944 г., также подчеркивал: "Почти во всех церквях города, в том или ином количестве, были военные офицерского и рядового состава, общим числом более 500 человек... В области были также посещения церковей офицерским и рядовым составом. Так, например, в Казанской церкви (с. Коломенское Ленинского района) военных было 50 человек, в церкви Александра Невского (пос. Бирюлево Ленинского района) — 275 человек, в Троицкой церкви г. Подольска — 100 человек".

Были случаи, когда с фронтов посылались в Москву телеграммы просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства Русской Церкви. Так, 2 ноября 1944 г. в Главное политуправление РККА с 4-го Украинского фронта поступила «телеграмма, заверенная подполковником Лесновским, с просьбой "повстретившейся надобности в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви". Таким образом командование хотело откликнуться а настроения солдат. Есть свидетельства о выступлениях в действующей армии не только священников, но и архиереев. Например, совершении в ноябре 1942 г. под Сталинградом, на другом берегу Волги, митрополитом Николаем (Ярушевичем) молебна перед Казанским образом Божьей Матери. Когда эта решающая битва войны

близилась к концу, 19 января Патриарший Местоблюститель в Ульяновске возглавил крестный ход в Иордань. Он горячо молился о победе русского воинства, но невиданная болезнь заставила его лечь в постель. В ночь на 2 февр. 1943 г. митрополит, как рассказывал его келейник, архимандрит (Разумов), пересилив недуг, попросил помочь подняться с постели. Встав с трудом, он положил три поклона, благодаря Богу и сказал: "Господь воинств, сильных в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом". Утром радио передало сообщение о полном разгроме немецких войск под Сталинградом.

2.2 Религиозное возрождение на оккупированной территории СССР.

В первые же месяцы Великой Отечественной войны значительная часть СССР была оккупирована фашистскими войсками. Религиозная Жизнь на ней весьма отличалась от жизни на советской территории. Как уже указывалось, подавляющее большинство районов страны к лету 1941 г. (а ведь среди сельского населения две трети являлись верующими) оказалось вообще без функционирующих храмов. Такое неестественное положение могло поддерживаться только репрессивными мерами. Как следствие, на оккупированной территории произошло чрезвычайное оживление религиозной жизни. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, по наблюдению протоиерея А. Ионова, написавшего "Записки миссионера о жизни в советской России", "религиозное пробуждение было общим, массовым и стихийным. Народ как в городах, так и в сельской местности... сам шел на открытие храмов, на их временный ремонт и украшение"⁴. В докладе митрополиту Алексию псаломщика Николо-Конецкого прихода Гдовского района Псковской области С. Д. Плескача от 25 января 1944 г. отмечалось: "Могу сообщить, что русский человек совершенно изменился,

как только появились немцы. Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставляли оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось. Крестьянки вешали чистые вышитые самими полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда все было готово, тогда приглашали священника и освящался храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник, а праздновали русские крестьяне и крестьянки, и я чувствовал, что здесь люди искали утешение". Журналист В. Д. Самарин, живший в годы оккупации в Орле, вспоминал: "Проснулось, всплыло на поверхность души спрятанное глубоко при большевиках религиозное чувство.

Молящиеся переполнили церкви, по деревням носили чудотворные образа. Молились так, как давно не молились. Не было семьи, в которой не было бы своего горя, не было бы жертв... Молились истово! Мне не забыть первого посещения церкви в Орле. Мы пришли всей семьей, с женой и дочерью, которая входила в церковь первый раз в жизни. Когда мы вошли, я вдруг увидел, как у дочери, у этого маленького человека, впервые вошедшего в храм, побежали по щекам слезы" и т. д.

Планируя нападение на СССР, фашисты рассчитывали активно использовать религиозный фактор в своих целях. Они уже имели богатый опыт проведения подобной политики, как в Германии, так и на захваченных ими территориях в Европе. В системе Главного управления имперской безопасности (СД) имелся специальный "церковный отдел". В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и активных прихожан, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей.

Практически во всех странах Европы действовала разветвленная агентурная сеть отдела. Он также обеспечивал продвижение своих людей на

различные иерархические должности, в церковные и общественные фонды, комитеты и т. п. При этом основной линией в решении "религиозного вопроса" была ориентация на разрушение (внутреннее и внешнее) сложившихся традиционных устойчивых церковных структур, "атомизацию" конфессий и Церквей. Там, где это признавалось неэффективным или не отвечающим целям рейха, — ставилась задача, не останавливаясь ни перед какими средствами и методами воздействия, достижения полного над ними контроля. В самой Германии во второй половине 1930-х гг. разрушались храмы, активно арестовывали и расстреливали священников, прежде всего католических. Лишь в июле 1941 г., на территории собственной страны, А. Гитлер секретным приказом запретил на время войны с СССР проведение каких-либо мероприятий против Церкви без санкций свыше".

Хотя, конечно, и в дальнейшем такие санкции неоднократно давались. Подобные методы и практика были перенесены и на религиозные организации в СССР. Кроме того, нацистская церковная политика здесь определялась в значительной степени общим отношением к славянам, и к русским в частности. В рамках этого отношения существовало несколько порой противоречащих друг другу подходов: А. Гитлер считал всех славян низшей расой и рассматривал их как будущих рабов; назначенный имперским комиссаром восточных территорий А. Розенберг стремился привлечь на сторону Германии национальные меньшинства России, обещая им независимость, отождествляя русский народ с коммунистической идеологией и террором; верховное командование вермахта выступало за создание "союзных" русских воинских частей (что привело к формированию власовских дивизий и казачьих соединений) и было поэтому против афиширования планов будущего расчленения России²⁰.

Партийного идеолога НСДРП А. Розенберга, враждебно настроенного к христианству (особенно к Католицизму) и считавшего Православие лишь "красочным этнографическим ритуалом", назначили министром

²⁰ Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938-1943 гг.). С. 40-41.

оккупированных территорий СССР в конце июля 1941 г. Первые области он получил в свое ведение 20 августа, а 1 сентября были созданы рейхскомиссариаты "Остланд" и "Украина". К 16 августа относится самый ранний найденный автором циркуляр Главного управления имперской безопасности, касающийся религиозной политики на Востоке: "О церковном вопросе в оккупированных областях Советского Союза". В этом документе подчеркивалось, что в нем содержатся личные указания А. Гитлера. Ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного

движения (большевизму), дробление его на отдельные течения, во избежание возможной консолидации "руководящих элементов" для борьбы против Германии и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях.

Более долгосрочные цели религиозной политики фашистской Германии в отношении республик СССР указывались в другой директиве Главного управления имперской безопасности от 31 октября 1941 г., причем в ней уже начинает сквозить озабоченность массовым всплеском религиозности: "Среди части населения бывшего Советского Союза, освобожденной от большевистского ига, замечается сильное стремление к возврату под власть церкви или церквей, что особенно относится к старшему поколению... я вижу большую политическую опасность, равно как и опасность в области мировоззрения, в том, что в настоящее время в восточные области необдуманно допускают священнослужителей всех вероисповеданий. Несомненно то, что стремящимся к религии массам оккупированных бывших советских областей надлежит снова дать какую-то форму религии. Возникает только вопрос: какую?.. То, что теперь уже во многих местах церкви с попами, связанными вероисповеданиями, открываются вновь и что этому даже способствуют германские органы власти, вызовет лишь религиозную реакцию, которая когда-нибудь... может оказаться таковой в политическом отношении и будет противостоять необходимому освобождению восточных областей. Поэтому крайне

необходимо воспретить всем попам вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания и одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после соответствующего, хотя и короткого обучения, толковать народу свободную от еврейского влияния религию. Ясно, что заключение "избранного Богом народа" в гетто и искоренение этого народа... не должно нарушаться духовенством, которое, исходя из установки православной церкви, проповедует, будто исцеление мира ведет свое начало от еврейства. Из вышесказанного явствует, что разрешение церковного вопроса в оккупированных восточных областях является чрезвычайно важной... задачей, которая при некотором умении может быть великолепно разрешена в пользу религии, свободной от еврейского влияния, эта задача имеет, однако, своей предпосылкой закрытие находящихся в восточных областях церквей, зараженных еврейскими догматами". Тотальный расизм директивы не оставляет сомнения в судьбе Православия в случае победы гитлеровской Германии. Его стали бы уничтожать, насаждая "новую религию", лишенную многих основных христианских догматов.

В своих показаниях 16 октября 1946 г. на Нюрнбергском процессе А. Розенберг заявил: "После вступления немецких войск на восточные территории армия по собственной инициативе даровала свободу

богослужений; и когда я был сделан Министром восточных областей, я легально санкционировал эту практику, издав специальный указ о "свободе церкви" в конце декабря 1941 г.²¹ «Такой указ, действительно, был составлен А. Розенбергом, но из-за противодействия влиятельных противников, прежде всего М. Бормана, он никогда не издавался. Один из руководящих работников Министерства восточных территорий 25 октября 1943 г. в секретной записке указывал: "После переговоров, длившихся в течение месяцев, все же было решено не провозглашать свободу религии

торжественным образом, но сделать это как можно тише". Пик этих

²¹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917-1945гг. с. 508

переговоров пришелся на весну 1942 г. К этому времени религиозный подъем заставил особенно серьезно заняться церковным вопросом в России.

Следует отметить, что религиозными проблемами вплотную занимался и считал их одними из важнейших в деле "управления покоренными народами" А. Гитлер. 11 апреля 1942 г. в кругу приближенных он изложил свое видение религиозной политики: насильственное дробление Церквей, принудительное изменение характера верований населения оккупированных районов, запрещение "устройства единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий". "Нашим интересам, - говорил Гитлер, соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге.

Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы".

Точка зрения А. Гитлера о поощрении в России всякой формы разъединения и раскола получила законченную форму во время посещения 8 мая 1942 г. А. Розенбергом ставки фюрера. Историки В. И. Алексеев и Ф. Ставру даже считают этот день главной вехой в определении официальной политики оккупационных властей в отношении Русской Церкви. Сохранилось свидетельство самого А. Розенберга о его переговорах 8 мая с А. Гитлером и М. Борманом. На них отмечалось, что на занятых территориях России уже возникают "сами собой" большие Религиозные объединения, которые необходимо использовать и контролировать. Было решено не издавать закон о религиозной свободе в восточных областях из-за возможности его нежелательного влияния на Церковь в самой Германии, однако поручить рейхскомиссарам "Ост-ланда" и "Украины" провести от своего имени мероприятия по установлению веротерпимости. "Помимо этого фюрер подчеркнул, что после войны он предпримет соответствующие меры

против церкви. Он верит, что своим авторитетом сможет сделать то, что другим позже трудно будет осуществить".

Через несколько дней после совещания А. Розенберг указал рейхскомиссарам "Остланда" и "Украины" принять необходимые меры для ограничения деятельности возникающих религиозных организаций. 13 мая 1942 г. он обратился к ним с письмом, основные положения которого сводились к четырем пунктам: ". 1 Религиозным группам категорически воспрещалось заниматься политикой. .2 Религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным. При этом национальный признак должен был особо строго соблюдаться при подборе возглавления религиозных групп. Территориально же религиозные объединения не должны были выходить за границы генерал-бецирка, т. е. приблизительно, в применении к Православной Церкви, за границы одной епархии. 3. Религиозные общества не должны были мешать деятельности оккупационных властей. 4. Особая предосторожность рекомендовалась в отношении Русской Православной Церкви как носительницы враждебной Германии русской национальной идеи". Последний пункт пересекался с точкой зрения Гимmlера, указавшего в одном из писем на опасность, исходящую от Православной Церкви, которая сплачивает русских "национально". Он полагал, что поэтому ее необходимо дезорганизовать, а возможно, и вообще ликвидировать⁸.

Исполняя указания А. Розенберга, рейхскомиссары в июле 1942 г. издали распоряжения, в которых провозглашалось право верующих организовывать религиозные объединения, но в то же время подчеркивалось, что они являются автономными, чем ограничивалась административная власть епископов. Этим объединениям запрещалось заниматься политикой, основное внимание уделялось порядку их регистрации. Так, в распоряжении рейхскомиссара "Остланда" Х. Лозе от 19 июля указывалось: "1. Религиозные организации на занятых землях должны представить генеральному (районному) комиссару следующее: а) название религиозного общества, б)

вероисповедание руководства, в) список членов президиума общества, г) список имущества местных религиозных обществ... 2. а) утвердить новое общество может только рейхскомиссар района по заявлению верующих; 3. а) необходимо признание президиума районному комиссару, подтверждающее утверждение о том, что общество не носит политический характер, б) генеральный комиссар может высказать свое сомнение о характере общества; 4. а) религиозные организации на местах могут выполнять только религиозные задачи; 5. а) при нарушении распоряжения накладывается денежный штраф, б) рейхскомиссар может распустить общество, как не выполняющее свою задачу"²².

Чтобы не допустить возрождения сильной и единой Русской Церкви, были поддержаны некоторые раскольничьи юрисдикции на Украине, в Прибалтике и Белоруссии, которые выступили против Московской Патриархии и объявили о своем намерении образовать автокефальные (независимые) церковные организации. Особенно активно эта политика проводилась рейхскомиссаром "Украины" Э. Кохом. В "Ост-ланде" она осуществлялась менее последовательно. Х. Лозе относился в Прибалтике терпимо к хорошо организованной Русской Церкви и ее миссионерской деятельности на северо-западе России, но не разрешал церковно-административного объединения Прибалтийского экзархата с Белоруссией, где всеми мерами, хотя и без особого успеха, содействовал развитию церковного сепаратизма.

Полностью реализовать на практике принципы, указанные в майском 1942 г. письме А. Розенберга, оказалось невозможно. Сам министр восточных территорий понимал это и предусматривал, например, возможность избрания украинского Патриарха, что означало бы объединение многих епархий. Правда, ему фактически удалось не допустить в оккупированные районы католических миссионеров и священников Русской Православной Церкви за границей. Хотя и здесь существуют архивные

²² Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны, с. 110-111

документы, свидетельствующие, что осенью 1942 г. разрабатывались планы проведения Поместного Собора в Ростове-на-Дону или Ставрополе с избранием Патриархом митрополита Берлинского Серафима (Лядэ) — немца по национальности, находившегося в юрисдикции карловчан. По этому вопросу даже велась переписка с некоторыми ставропольскими священнослужителями.

Большое внимание со стороны оккупационных властей уделялось использованию религиозной темы в своей идеологической работе. В прессе всячески подчеркивалось, что новый режим несет религиозную свободу. Настойчиво "рекомендовалось" в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства к А. Гитлеру и третьему рейху. Духовенство заставляли участвовать в "праздновании" годовщины начала войны и тому подобных дат.

Активно распространялась соответствующая литература, к примеру такая листовка-молитва: "Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов, да придет третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле.

Немецкие власти порой пытались управлять не только характером проповедей, но и богослужebной жизнью. Знаменателен неоднократно повторявшийся случай, когда бурный протест верующих вызывали незначительные, на взгляд немецких администраторов, перемены церковного порядка — введение нового (григорианского) стиля. Об этом свидетельствует, например, бюллетень Полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г., содержащийся в фонде Главного управления имперской безопасности Германии Центра хранения историко-документальных коллекций: "В середине декабря 1941 г. некоторые коменданты местностей (в Стругах Красных и в Острове), ссылаясь на предписание вышестоящей инстанции, потребовали от православных совершать все церковные праздники, также и рождество, по григорианскому календарю. Это неожиданное требование вызвало среди верующих бурю негодования: "Такое

насилие над Церковью не совершали даже большевики... Но мы не покоримся"... священник, не желая ни нарушать церковного порядка, ни вступать в конфликт с немецкими войсками, должен был покинуть Струги. После этого местный комендант распорядился привести местного священника из соседнего селения... и заставил его проводить

рождественское богослужение по григорианскому календарю... В этот день почти не было прихожан, а те немногие, кто из боязни перед комендантом присутствовали на богослужении, были очень расстроены и сконфужены".

С 1943 г. в германских официальных документах уже ясно чувствовалось сомнение в правильности ряда аспектов выбранного курса церковной политики. Расчеты на поддержку "нового порядка" со стороны угнетаемых в СССР религиозных организаций были одним из изначальных стереотипов идеологии оккупации.

Поэтому идеологи рейха неоднократно выражали удивление тому, какое значительное место заняла Русская Церковь в патриотическом движении в Советском Союзе. В бюллетене Полиции безопасности от 7 мая 1943 г. "Донесения из оккупированных восточных областей" указывалось: "Советская пропаганда сумела ловко использовать религиозные чувства населения в своих целях. Церкви и массы все в большей степени получают поощрения. Как стало известно из Москвы, наплыв жителей в церкви в пасхальные дни был значительным. Этот факт пропагандистский весьма сильно используется и находит распространение прежде всего у союзников".

Еще в 1941-1942 гг. отдельные представители германской администрации и офицеры вермахта помогали открытию храмов и даже приказывали это делать. Так, в сохранившейся в материалах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) докладной записке З. В. Сыромятниковой "О пребывании на территории Харьковской области, оккупированной немецкими войсками с 15.XII по 22.XI 1941 г." отмечалось: "Немецкое командование особое внимание обращает на работу церквей. В ряде сел, где

не разрушены церкви, они уже работают — вс. Введенка Чугуевского района и в г. Харькове. В селах, где они разрушены, дан приказ старостам немедленно подобрать помещение и открыть церкви". В том же фонде хранится справка уполномоченного Себежской комендатуры от 8 октября 1941 г.: "Дана настоящая в том, что немецкая власть, освободившая крестьянство от большевиков, ставит вопрос открыть богослужение в Ливской церкви, и поэтому уполномочиваю лично вас, Рыбакова Якова Матвеевича, за неимением священника — занять место священника и исполнять церковный обряд. Просьба: никаких отказов не может быть, в чем, и выдана настоящая справка за подписью представителя немецкой власти Энгельгард"... На что Рыбаков отвечает: "Быть священником не могу, так как не получил на то от епископа благословения, кроме того, по христианскому закону двоеженцы священниками быть не могут, а я двоеженец" и т. д.

Однако в 1943-1944 гг. подобное уже исключалось. Была полностью запрещена любая поддержка со стороны вермахта или германской администрации в открытии церквей, а также участие военного персонала в богослужениях в этих храмах. В бюллетене Полиции безопасности от 5 февраля 1943 г. приводились директивы А. Гитлера: "Религиозной

деятельности населения не содействовать и не препятствовать. Военнопленные должны безусловно держаться в стороне от таких мероприятий населения... Запрещается далее допускать или привлекать гражданское духовенство из рейха или из-за границы в оккупированные восточные области... Военное богослужение в оккупированных восточных областях разрешается проводить только как полевое богослужение, ни в коем случае не в бывших русских церквях. Участие гражданского населения (также и фольксдойче) в полевых богослужениях вермахта запрещено. Церкви, разрушенные при советском режиме или во время военных действий, не должны ни восстанавливаться, ни приводиться в соответствие с их назначением органами немецких вооруженных сил. Это следует предоставить русской гражданской администрации". Эти директивы,

вероятно, несли отпечаток и долгосрочных планов о создании для населения оккупированных территорий специальной религии и подготовке соответствующего клира.

Действия гитлеровцев перед отступлением из оккупированных областей массовое сжигание и разграбление храмов, вплоть до снятия колоколов, депортация и убийства священнослужителей окончательно разоблачили их как врагов Православия. Свидетельств намеренного разрушения ими церквей очень много. Например, в рапорте благочинного Ленинградской епархии протоиерея Н. Ломакина от 1 сентября 1943 г. говорилось о трагедии, случившейся в Старом Петергофе: "Свои обстрелы и разрушения храмов фашисты обставили так, что вместе с храмами погибли молившиеся в них (преимущественно старики, женщины и дети), искавшие под сводами храмов убежища и спасения от обстрелов и бомбежек. Под сводами Троицкой церкви и в самой церкви собралось свыше 2000 человек, из них не менее 100 детей. В подвале Лазаревской церкви и на кладбище (в склепах) укрывалось до 2000 человек. В убежище Серафимовской церкви было до 1000 человек. Эти цифры примерно определяют число жертв, погибших под развалинами храмов". Только в Ленинградской области фашисты уничтожили 44 храма, в Московской — около 50 и т. д. Всего же, согласно отчету Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко- фашистских захватчиков, они разрушили и повредили 1670 православных церквей, 69 часовен и 1127 зданий других религиозных культов. В отчете приводятся конкретные примеры: "В груды кирпича превращена немцами в Киево-Печерской Лавре знаменитая Успенская церковь, построенная в 1073 году. В Чернигове они разрушили древний Борисоглебский собор... Огромным разрушениям подверглись монастыри: Ново- Иерусалимский и Иосифо-Волоколамский в Московской области, Тихвинский в Ленинградской области, Антониев, Хутынский, Зверин, Деревяницкий и другие монастыри Новгорода... Разрушая монастыри, храмы, мечети и синагоги, расхищая их утварь, немецкие захватчики глумились над

религиозным чувством людей. Солдаты и офицеры приходили в храмы в шапках, курили здесь, надевали на себя церковное облачение, держали в церквях лошадей и собак, из икон устраивали нары для спанья... " Правда, надо отметить, что некоторые из занесенных в отчет Чрезвычайной комиссии церковей были разрушены еще в 1930-е гг., а ряд храмов пострадал от действий советских войск. Например, Псково-Печерский монастырь в начале 1944 г. активно бомбила авиация Ленинградского фронта, а Успенский собор в Киево-Печерской Лавре был взорван 3 ноября 1941 г. специально оставленной в тылу немцев диверсионной командой капитана Лутина. В этот день храм посетили президент Словакии Й. Тисо и рейхскомиссар Э. Кох, Однако заложенная еще в сентябре 1941 г. взрывчатка сработала с запозданием, и фашистские руководители успели покинуть собор до взрыва²³.

Как уже отмечалось, религиозная ситуация на различных оккупированных территориях не была одинаковой. Следует более детально рассмотреть ее в отдельных регионах. Определенным своеобразием отличалось положение в Прибалтике и на северо-западе России. Там сохранился и даже вырос территориально экзархат Московской Патриархии во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским).

Владыка Сергей не эвакуировался при приближении германских войск, а остался в Риге. Существуют самые различные версии, объясняющие этот поступок. В. И. Алексеев полагает, что экзарх вследствие своих антикоммунистических убеждений накануне вступления немцев в город спрятался в подвале собора и не был найден там секретарем — приставленным к нему "агентом НКВД", позднее расстрелянным за эту неудачу. По гораздо более аргументированному мнению профессора Д. В. Поспеловского, митр. Сергей стремился подготовить почву Местоблюстителю и Московскому Церковному Управлению на случай, если немцы победят или, по крайней мере, захватят Москву, чтобы сохранить

²³ Немчинский А. Жертвы минной войны// Совершенство секретно, 1995г, №2. с.27-28

епископат в новых условиях, а также предотвратить юрисдикционный хаос²⁴. Нельзя полностью сбрасывать со счетов и свидетельство Э. И. Лисавцева о том, что экзарх специально был оставлен органами НКВД в Риге, но почти сразу же на долгий период утратил связь с советским подпольем". Историк О. Ю. Васильева почти солидарна с ним: "Двойственность позиции Сергия, усилившаяся в 1943-1944 гг., его приверженность патриархии может предполагать определенные соглашения между экзархом и Советским правительством".

Действительно, некоторые священнослужители Русской Церкви, оставшиеся на оккупированной территории, использовались советской разведкой. Так, один из ее руководителей П. А. Судоплатов совсем недавно писал: "Уместно отметить и роль разведки НКВД в противодействии сотрудничеству немецких властей с частью деятелей православной церкви на Псковщине и Украине. При содействии одного из лидеров в 30-х годах "обновленческой" церкви житомирского епископа Ратмирова и блюстителя патриаршего престола митрополита Сергия нам удалось внедрить наших оперативных работников В. М. Иванова и И. И. Михеева в круги церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. При этом Михеев успешно освоился в профессии священнослужителя". От него поступала информация в основном "о патриотическом настрое церковных кругов". Возможно, и экзарх имел определенные контакты с советской разведкой.

Во всяком случае, представляется несомненным, что он остался в Риге с санкции Патриаршего Местоблюстителя. Это подтверждается их близкими личными отношениями и обдуманым, энергичным характером действий митр. Сергия (Воскресенского) в первые месяцы после начала оккупации.

Ему сразу же пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Вскоре после захвата Риги митрополит Августин (Петерсон) объявил прежний Синод действующим и 20 июля направил германским властям просьбу о

²⁴ Поспеловский Д.В. Из истории русского церковного зарубежья // Церковь и время, 1991г. №1. с. 54

разрешении восстановления автономной Латвийской Православной Церкви под юрисдикцией Константинопольского Патриарха и выдворении из Латвии "большевистского ставленника", "агента ЧК" экзарха митр. Сергия. Подобным образом события развивались и в Эстонии. 8 июля германские войска вошли в г. Печоры, а уже 17 июля настоятель местного эстонского православного прихода Петр Пякхель издал циркуляр, называя себя в нем благочинным Печерского округа, поставленным новыми гражданскими и военными властями, и требуя прекратить на богослужениях поминовения экзарха и возносить только имя митрополита Таллиннского Александра (Паулуса) с титулом всея Эстонии. После взятия немцами Таллинна 28 августа он ездил к митр. Александру и узаконил свое благочиние, а позднее был хиротонисан в сан епископа. Митрополит Таллинский 14 октября 1941 г. также объявил о необходимости возвращения Эстонской Православной Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриарха. В первый же день оккупации Риги митрополит Сергей был арестован, но через 4 дня освобожден на поруки. Существуют свидетельства, что уже во время этого ареста он не без успеха убеждал германские власти, что для них политически выгоднее примириться с поминанием главы Московской Патриархии, чем содействовать возвращению Латвийской и Эстонской церквей в юрисдикцию Вселенского Патриарха, экзарх которого находился в это время в Лондоне и имел тесные связи с правительством Великобритании. После освобождения экзарх Прибалтики собрал духовенство Риги в Троице-Сергиевом монастыре и объявил, что остается "послушником митрополита Сергия (Страгородского)". Первоначально германские оккупационные власти заняли выжидательную позицию, и 12 ноября 1г. глава экзархата обратился к ним с обширным меморандумом, доказывая, что переход Латвии и Эстонии под власть Константинополя не в их интересах. Митр. Сергей убеждал сохранить каноническое подчинение Прибалтики Московской Патриархии и заявлял, что она никогда не примирялась с безбожной властью, подчинившись ей только внешне, и поэтому он имеет моральное право призвать русский народ

к восстанию. Экзарх призывал не дробить Церковь на части по национальному и территориальному признаку и предупреждал, что всякое вмешательство немцев в церковное управление будет использовано советской пропагандой как доказательство порабощения Церкви оккупационными властями: "В Латвии и Эстонии создались маленькие, но очень активные группы православных политиков, которые прежде, как светские члены так называемых синодов, играли ведущую роль в соответствующих Церквах и которые теперь стремятся снова захватить власть. Также, к сожалению, оба политиканствующих митрополита, Августин Рижский и Александр Ревельский, присоединились к этим группам.

Остальные епископы и значительно превышающее большинство священников и мирян стоят далеко от этих групп, а часто настроены в отношении их и враждебно... С точки зрения церковно-политической было бы правильно положить в основу церковного порядка следующие принципы: 1) Принцип единства. — Было бы странно, если бы в Остланде существовало четыре рядом стоящих Православных Церкви — Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская. Три последних уже объединены в экзархате. Стоило бы экзархат связать с белорусскими епископствами в более высокую единицу... 2) Принцип канонической законности. — Чтобы избежать теперь и в будущем неизбежно следующих за схизмой ссор, Православная Церковь в Остланде должна пока оставаться в рамках Российской Патриархии... 3) Принцип автономии... 4) Принцип церковного единоначалия.

Эти доводы частично подействовали на германские власти, которые признали существование экзархата Московской Патриархии и даже оказали ему на первых порах определенную поддержку. В Латвии свыше 60% православных верующих составляли русские, митрополита Августина поддержали немногие, и в ноябре 1941 г. гестапо потребовало немедленного прекращения деятельности его Синода. Митр. Сергей 24 февраля 1942 г. уволил пытавшегося отколоться архиерея за штат, а 15 июня наложил на него церковный запрет, хотя полного формального разрыва их не

было. Нового раскола в Латвии так и не произошло. Иначе дело обстояло в Эстонии, где русские приходы составляли лишь 25%. 30 июня 1942 г. митрополит Александр окончательно отделился, и Собор епископов экзархата Московской Патриархии 2 ноября запретил его в священнослужении. Германские власти выпустили инструкцию, в которой указывалось, что духовенству и приходам дается свобода выбора — войти ли в Эстонскую епархию митр. Александра или русскую — епископа Нарвского Павла, оставшегося в юрисдикции экзарха. Выбор этот должен происходить без давления, но целям немецкой политики более отвечает регистрация православных приходов в экзархате. Было решено, что митрополиты Александр и Августин должны именоваться соответственно Ревельским и Рижским, а не Эстонским и Латвийским, так как митрополитом всех трех прибалтийских стран является Сергей.

18 июня 1942 г. в канцелярии заведующего общим отделом Министерства восточных территорий Лейббрандта состоялось совещание, на котором руководитель отдела заявил, что полное разделение верующих по национальному признаку в Прибалтике не предусматривается. Православные Церкви в Эстонии, Латвии и Литве, являясь русскими культурными учреждениями, должны оставаться именно русскими и как чуждые концепции жизненного пространства в дальнейшем будут перемещены в "рейхскомиссариат Москва". В Белоруссии же, наоборот, следует предохранять Православную Церковь от русского влияния. Таким образом, в случае победы Германии все православные верующие Прибалтики, в том числе эстонцы, латыши, литовцы были бы выселены на восток.

На совещании также было решено не препятствовать распространению сферы влияния экзархата на русские районы, занятые группой армии "Север".

Организация миссионерской работы на северо-западе России стала главным в деятельности митр. Сергия в годы войны. Он взял на себя попечение о религиозных нуждах православного населения областей,

прилегавших к экзархату, вполне законно, так как митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) оказался в блокированном Ленинграде. "Мы почли долгом своим на время принять эту территорию под свое архипастырское покровительство, писал в 1942 г. экзарх, — чтобы немедленно приступить на ней к восстановлению церковной жизни, и для этой цели направили туда миссионеров из Экзархата, духовенство которого большевики, за короткое время своего владычества в прибалтийских странах, не успели полностью уничтожить"¹. Посылая священников в районы Ленинградской области, владыка Сергей давал им определенные указания поминать на богослужениях митрополита Алексея. В середине августа 1941 г. было получено разрешение германских властей на создание "Православной Миссии в освобожденных областях России". Напутствуя первую группу из 14 миссионеров, среди которых было много выпускников Богословского института в Париже, экзарх говорил: "Не забывайте, что вы прибыли в страну, где на протяжении более 20 лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был напуган, принижен, угнетен и обезличен. Придется не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долголетней спячки, объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой, открывающейся для него жизни".

18 августа первые миссионеры прибыли в Псков, где было создано управление Миссии. Официальной целью ее провозглашалось восстановление "разрушенной большевиками" церковной жизни; формальное руководство принадлежало экзарху Сергию. Территория, входившая в ведение Нам казалось, что не священники приехали укреплять народ, а народ укрепляет священников". В печатном органе Миссии — журнале "Православный христианин" также отмечалось: "Народ переполнял храмы... Священники не успевали передохнуть от количества треб. Давно не видели стены старых храмов Псковщины и окрестностей таких искренних слез, не слышали таких громких молитв".

2.3 «Оттепель» в государственно-церковных отношениях 1943-1945 гг.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война, вопреки ожиданиям многих, не обострила отношения Московской Патриархии с государством. Церковь не поддавалась искушению рассчитаться за нанесенные ей жесточайшие удары. Патриотизм православного духовенства и мирян сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонениями на религию. С первого дня Отечественной войны руководство Московской Патриархии призвало народ к защите Родины и этим поддержало и государство. Такая позиция Церкви была особенно важна в свете значительного роста религиозности в первой половине 10-х гг. как среди мирного населения, так и среди военнослужащих. Она не создавала, по словам митрополита Алексия, "нравственные условия победы". Религиозный фактор сыграл очень существенную роль и изменил поначалу неблагоприятного для СССР хода боевых Действий. Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны: морально-нравственное влияние (через послания, обращения, проповеди); сбор денежных средств, драгоценностей,

медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны; служба церковнослужителей в рядах действующей армии и участие в партизанском движении; помощь раненым бойцам шефством над госпиталями и оснащением санитарных пунктов; участие в сооружении оборонительных укреплений, организации противовоздушной обороны и т. д. Личным примером духовенство Московской Патриархии призывало народ к мобилизации всех сил в помощь обороне и креплению тыла. Все это не могло не оказать воздействие и на религиозную политику советского правительства.

Уже первые слова обращения И. Сталина к народу 3 июля 1941 г.: "Дорогие соотечественники! Братья и сестры!" были подсказаны не марксистско-ленинской идеологией, а скорее церковной проповедью. По

свидетельству советского религиоведа Э. И. Лисавцева, первая краткая встреча председателя Совнаркома с Патриаршим Местоблюстителем состоялась в июле 1941 г. и оба остались ею довольны. Реальная действительность заставляла И. Сталина, руководство ВКП(б) начать пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России.

Впрочем, первоначально изменения были небольшие. Митрополитам Сергию, Алексию, Николаю не препятствовали распространять свои патриотические воззвания, хотя это и являлось нарушением закона. Полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свернута деятельность "Союза воинствующих безбожников", правда, формально он не был распущен. И. Сталин через секретаря А. Н. Поскребышева порекомендовал "главному безбожнику" Е. Ярославскому публично отметить новую патриотическую позицию Церкви. Тот не посмел ослушаться и после долгих сомнений 2 сентября подготовил статью "Почему религиозные люди против Гитлера" для печати, подписав ее экзотическим трудно узнаваемым псевдонимом Каций Адамиани. В статье, первоначально предназначенной только для зарубежного читателя, высоко оценивалась патриотическая деятельность Московской Патриархии, а также некоторых других религиозных объединений СССР. А в 1942 г. вышла другая статья Е. Ярославского о православном христианском писателе Ф. М. Достоевском. Предметом исследования была приписываемая Достоевскому ненависть к немцам. Метаморфоза главного гонителя Церкви в 1920-1930-х гг. особенно показательна. К октябрю 1941 г. были закрыты практически все антирелигиозные периодические издания. Флагман же советского атеизма журнал "Под знаменем марксизма" начал печатать статьи о выдающихся русских исторических деятелях, великом русском народе, героизме советских солдат и т. п., а в 1944 г. и совсем прекратил свое существование.

В июле—августе 1941 г. еще нередко проводились аресты священнослужителей. Например, когда Ленинград очищался от

неблагонадежных элементов, было арестовано несколько членов клира Никольской Больнеохтенской церкви, в том числе 28 августа священник Николай Ильяшенко. 4 сентября он был эвакуирован в тюрьму г.

Новосибирска, а 15 июля 1942 г. освобожден. Также 28 августа оказался в заключении настоятель Никольской церкви в пос. Саблино Ленинградской области порт. Николай Блинецкий. Его эвакуировали в Новосибирскую область, где он умер в тюремной больнице г. Мариинска 10 февраля 1942 г. Но с осени 1941 г. аресты клириков Московской Патриархии почти прекратились. Более того, из лагерей освободили десятки

священнослужителей, в том числе к сентябрю 1943 г. 6 архиепископов и 5 епископов. Постепенно начали возрождаться епископские кафедры. Появились первые, пока еще редчайшие случаи восстановления закрытых храмов. Так, последняя Троицкая церковь г. Горького перестала функционировать 10 декабря 1940 г. и была вновь открыта 10 августа 1941 г. Религиозные центры СССР признали де-факто, им снова разрешили устанавливать связи с заграничными церковными организациями.

Осень 1941 г. была очень тяжелым временем для страны. Фронт приблизился к Москве. 12 октября митр. Сергей написал завещание, в котором на случай своей смерти передавал полномочия Местоблюстителя митр. Алексею (Симанскому). За несколько дней до этого, 7 октября, по указанию центральных властей Московский горисполком принял решение об эвакуации из столицы руководителей основных религиозных организаций СССР. Эту, по существу, принудительную эвакуацию провели 14 октября, несмотря на то, что у митр. Сергия была высокая температура. Историк В. И. Алексеев высказал вполне обоснованную точку зрения, что церковное руководство отправили в тыл с целью не допустить возможности захвата его германскими войсками в случае падения Москвы и использования фашистами в пропагандистских целях. Первоначально планировалась эвакуация в Оренбург, но затем по просьбе митр. Сергия его заменили на Ульяновск. Здесь с 19 октября 1941 г. до конца лета 1943 г. и проживал

Патриарший Местоблюститель вместе с сотрудниками канцелярии Патриархии. Был эвакуирован из Москвы и митрополит Николай (Ярушевич), но уже в ноябре 1941 г. ему разрешили вернуться в столицу. Экзарх Украины стал заместителем митр. Сергия. Он сразу же начал активно сотрудничать с властями в организации пропаганды за границей и вскоре был включен в качестве представителя Патриархии в различные государственные и международные организации (Всеславянский комитет).

В феврале 1942 г. было разрешено в пропагандистских целях ВОЗОБНОВИТЬ издательскую деятельность Русской Церкви. Предисловие к книге "Правда о религии в России" написал Патриарший Местоблюститель. Подготовлена она была в чрезвычайно короткие сроки и уже летом вышла из печати. Интересно, что ее напечатали в типографии практически переставшего существовать "Союза воинствующих безбожников", и часть тиража по оплошности имела гриф антирелигиозного издательства. Книга эта была издана тиражом 50 тыс. экземпляров, одновременно на нескольких языках и распространялась, согласно свидетельству Совета по делам Русской Православной Церкви, в США, Великобритании, Швеции, на Ближнем Востоке и за линией фронта. В 1943 г. была подготовлена и напечатана еще одна пропагандистская книга "Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война", посвященная патриотической деятельности Московской Патриархии. Однако, когда митрополит Ленинградский Алексей обратился к властям с ходатайством о разрешении издать подобную книгу, посвященную Ленинградской епархии, ему ответили отказом.

Явной уступкой Церкви было последовавшее в апреле 1942 г. решение в Москве, Ленинграде и ряде других городов совершать Пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами, на эту ночь отменили комендантский час. Произошло фактическое снятие не которых ограничений на внебогослужебную деятельность, проведение массовых религиозных церемоний. Характерно, что в блокадном Ленинграде в самую страшную голодную зиму 1941-1942 гг. все православные храмы снабжались

минимально необходимым количеством вина и муки для причащения богомольцев.

С помощью властей в марте 1942 г. в Ульяновске был проведен Собор епископов, осудивший создание автокефальной Украинской Православной

Церкви. В этом же году вновь появилась возможность совершать архиерейские хиротонии. В мае—октябре были хиротонисаны во епископов предварительно постриженные в монахи вдовы протоиереи: Сергей Городцов (в монашестве Варфоломей), Владимир Градусов (в монашестве Димитрий) и Николай Чуков (Григорий). К концу пребывания Патриаршего Местоблюстителя в Ульяновске число архиереев Патриархии достигло семнадцати.

Однако отношения Церкви и государства в первый год войны подлинным налогом еще не стали. В это время нередки были рецидивы прежней политики, эубо-административных, насильственных акций, прежде всего по отношению к риходам. Так, например, 29 января 1942 г. председатель двадцатки ерафимовской церкви К. Андреев Писал в адмоддел Ленсовета, что здание храма казалось самовольно "взято райсоветом Приморского района под склад - распределитель для приема покойников ... по распоряжению председателя тов. елоусова без меня и члена двадцатки церковь была вскрыта, причем все 'существо, утварь и проч. свалено к алтарю". Деньги и продукты, хранившиеся в церкви, оказались расхищенными, запас дров сожжен. Церковь вернули верующим только в апреле 1942 г.

К лету 1942 г., когда стала очевидной политическая значимость церковного опроса, сложилась система сбора информации о деятельности религиозных организаций на оккупированной территории и в пределах СССР. Основным информатором правительственных и партийных органов стал Наркомат внутренних дел. От него же исходили инициативы по проведению различных акций в отношении религиозных организаций. В архивах сохранилось большое количество докладных записок заместителей

наркома внутренних дел В. Н. Меркулова (с апреля 1943 г. наркома госбезопасности) и Б. З. Кобулова секретарю К ВКП(б) А. С. Щербакову, в 1942-1943 гг. курировавшему религиозные опросы по партийной линии. В этих записках запрашивались санкции на издание типографским способом и распространение патриотических воззваний священнослужителей, проведение соответствующих радиопередач, ограничение контактов православного духовенства с военнослужащими и т. д.

5 января 1943 г. Патриарший Местоблюститель предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви, использовав сборы на оборону страны. Он послал И. Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие патриархией банковского счета, куда вносились бы все деньги, пожертвованные, а нужды войны в храмах СССР. 5 февраля председатель СНК дал свое письменное согласие и от лица Красной Армии поблагодарил Церковь за ее руды. Получив разрешение открыть банковский счет, Патриархия [приобрела урезанный статус юридического лица.

В начале 1943 г. И. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о необходимости приступить к нормализации государственно-церковных отношений. На него повлияла целая группа «утренних и внешнеполитических факторов. Одной из причин была активная патриотическая деятельность подавляющего большинства духовенства и мирян. За полтора года войны, несмотря на отсутствие необходимого аппарата правления, печатного органа и юридического статуса, Православная Церковь [оказала свою силу в борьбе против фашизма, сумела во многом расширить и прочить влияние в стране. Один из руководителей органов безопасности и шведки, П. А. Судоплатов, свидетельствовал, что информацию оперативных 'работников НКВД, действовавших на оккупированной территории, "о патриотическом настрое церковных кругов совпала с неофициальными просьбами Рузвельта, переданными через Гарримана Сталину, улучшить политическое и правовое положение православной церкви". Кроме того, Судоплатов отмечал роль сотрудников

госбезопасности: "В своей записке в правительство мы также поддержали эти предложения, имея в виду важную консолидирующую роль русской православной церкви в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов и на Балканах". Определенное значение имело обращение в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям. «Идеологическая работ» в массах приобрела совершенно иные, чем прежде черты. Этот поворот осуществлялся целенаправленно во всех областях — от культурно-исторической до религиозной. В процессе завершения переход от интернационального к национальнопатриотическому курсу Церкви отводилась роль катализатора и цементирующего компонента. В ней снова увидели опору государственности и патриотизма. Были введены ордена и медали в честь великих русских полководцев, в том числе и юле 1942 г. орден святого князя Александра Невского. В кинохроник начали оказывать немислимые еще недавно кадры: в освобожденных городах жители с конями встречают советских солдат, и некоторые из бойцов, осекая себя крестным знаменем, прикладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвования верующих и т. д. Кроме того, советское руководство стремилось нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианства в России. В конце 1942 — начале 1943 гг. были освобождены некоторые края и области на юге РСФСР, и Московская Патриархия понадобилась для введения в контролируемое русло стихийно возродившейся церковной жизни на подвергшихся оккупации территориях. Уже вскоре на эти земли было направлено Д 50% начавшего быстро расти епископата Патриархии. Изменение государственно-церковных отношений можно рассматривать как негласное признание "вождем народов" своей крупной политической ошибки которое далось ему не без труда. Но И. Сталин руководствовался прежде всего прагматическими расчетами, в свете которых все идеологические и т. п. аргументы отходили на задний план. Инициатива этого поворота всецело принадлежала председателю СНК, никто из его окружения, как показывает

анализ их идейных позиций, изучение личных качеств, документов, не мог предложить таких радикальных перемен. Говорить о будто бы проявившейся к концу жизни у И. Сталина религиозности не приходится. Хотя временами вождь, по свидетельству очевидцев, и был склонен к мистике, любил цитировать Библию. "Члены его охраны рассказывали, как он по ночам таинственно ездил на могилу своей жены — Аллилуевой, как суеверно относился К Троцкому, исступленно желая его смерти, как настойчиво добивался сохранения тела Ленина или трепетного поклонения ему народа и т. д. Он суеверно, но искренне считал, что народ не может нормально жить без создания культа". Однако прагматизм у Я. Сталина, несомненно, преобладал. И в атеизме, и в религии он видел общественные феномены, которые должны служить его системе каждый по-своему. Атеизм был для вождя народов лишь политическим средством, элементом в общей системе формирования людей в нужном направлении. Широко известен следующий случай. Составляя библиотеку для дачи, Сталин собственноручно выписал все необходимые издания. И приписал: "Прошу, чтобы не было никакой теистической макулатуры!" Историк Д. А. Волкогонов совершенно справедливо по этому поводу заметил: "Он мог терпеть атеизм, но только как средство пропаганды тех догм, которые содержались в его собственных работах"²⁵.

Неизбежность значительного изменения курса государственной религиозной политики стала ощущаться многими связанными с Церковью людьми уже вскоре после победы в Сталинградской битве. По донесениям органов госбезопасности, весной—летом 1943 г. многочисленные "бродячие" священники и епископы агитировали верующих надавать властям ходатайства об открытии храмов, среди юсковско-111 духовенства распространялись слухи о том, что вскоре должна состояться встреча иерархов с руководством страны. Кое-где местные власти уже фактически отказались от прежней линии. Так, в 1942—1943 гг. в 14 районах

Ярославской области беспрепятственно, хотя и не официально, без юридического оформления стал функционировать храм. Иногда церкви открывались даже при содействии руководящих деятелей государства. Так, в документах Совета по делам РПЦ отмечалось, что в 1943 г. М. И. Калинин "указывал Ярославскому горисполкому на неправильное отклонение ходатайств жителей Сусанинского района об открытии церкви.

При этом он указал, что не следует возбуждать недовольство верующих теперь, когда требуется единство всего народа для победы над фашизмом, и разрешил открыть церковь в Сусанинского районе". По личному указанию председателя президиума Верховного Совета СССР (еще в 1920-х гг. являвшегося сторонником либеральной религиозной политики) в 1943 г. также открыли две церкви в Ивановской области. В Красноярске в январе— феврале профессор [единицы, ссыльный епископ Лука (Войно-Ясенецкий) был вызван первым секретарем обкома ВКП(б), который сказал ему, что отношения между Церковью государством скоро улучшатся, и Владыка сможет вернуться к своему епископскому служению. И вскоре, к началу марта 1943 г., открылся и первый храм в пригороде краевого центра, а Владыку Луку назначили архиепископом красноярским. 5 марта он писал сыну: "Я думаю что резко изменилось отношение правительства к Церкви: всюду скрываются и ремонтируются за счет горсоветов; храмы, назначают и епископы, митрополит Николай Киевский назначен членом: комиссии по немецким зверствам. Затем в Красноярске был открыт второй храм.

Впрочем, еще далеко не везде местные власти шли навстречу желанию верующих. Например, в июне 1943 г. начальник Управления Наркомата госбезопасности по Пензенской области полковник Николаев с тревогой и доверием писал в обком ВКП (б): "За последнее время среди верующих слоев населения области широко распространились настроения за открытие церквей. Епископ Филарет (Волокитин Х. Т.) установил связь с активными церковниками к гор. Пензе и районах области, распространил слух, что он оправлен в Пензу митрополитом Сергием, от которого якобы имеет

полномочия а открытие церквей. Собрал более 1000 подписей верующих и возбудил ходатайство об открытии церкви в Пензе... Особое влияние на религиозно встроенную массу оказывают бродячие попы, монахи, появившиеся за последнее время в области после отбытия срока наказания и выселения из режимных городов". В этом спецсообщении отмечалось, что за организацию религиозного тествия ста женщин и с. Николо-Азясь Мокшанского района в начале июня были арестованы "церковницы".

Весной—летом 1943 г. в руководстве страны обсуждался вопрос о том, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. На первом гале было решено оставить это право за созданным в апреле Наркоматом государственной безопасности. Но скоро стало ясно, что ему данное направление деятельности явно не удастся (сказывались традиции 1930-х гг.). И среди религиозных организаций он воспринимался как наследник их гонителей — ГПУ НКВД. Для внешнеполитического имиджа СССР также было полезно хотя бы внешне вывести Церковь из-под контроля спецслужб. В результате возобладало мнение, что при Совнаркоме следует образовать специальный орган, который осуществлял бы связь правительства с Русской Церковью. Тогда же родилась идея речи И. Сталина с ее иерархами, к ней стали интенсивно готовиться. С июля начались оживленные переговоры работников НКГБ с представителями Патриархии- Митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами протоиереем Н. Колчицким. Органами госбезопасности И. Сталину были представлены подробные материалы о состоянии Церкви, наиболее видных ее руководителях, патриотической деятельности духовенства, возможных кандидатах для избрания Патриархом и т. д.

Конкретный момент для намеченной встречи — первые числа сентября — был выбран неслучайно. В начале осени 1943 г. подготавливалась Тегеранская конференция, на которую возлагались большие надежды, связанные с открытием второго фронта. Для оказания "«действия на союзников — Великобританию и США — было решено использовать

влияние Англиканской Церкви, руководство которой уже не раз обращалось с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Встреча последней с русскими иерархами во главе с Патриархом отвела бы многие обвинения СССР за религиозные преследования. Инициатива государства встретила ответную положительную реакцию Церкви. И могла ли Московская Патриархия поступить иначе — не быть вместе с правительством своего народа в Отечественной войны, не пойти по трагическому, но в конечном счете неизбежному пути: Через церковно-государственную пропасть? Не могла она и не использовать возможность хотя бы частичного религиозного возрождения на основной территории СССР. Окончательное "примирение" с властью далось церковной иерархии ценой компромиссов, болезненных для религиозного сознания. В частности, это касалось участия в кампании Прославления И. Сталина, а также содействия осуществлению планов Сталинской имперской внешней политики.

В конце августа 1943 г. власти разрешили возвращение митр. Сергия из эвакуации, о чем он уже неоднократно просил сам. К примеру, июля нарком госбезопасности В. Н. Меркулов докладывал А. С. Щербакову: "Руководители церковных центров... в последнее время вымазывают большое недовольство таким длительным пребыванием в эвакуации. Митрополит Сергей даже опасается отстранения его от руководства церковью в связи с тем, что находящийся в Москве митрополит Николай (Ярушевич) не только управляет практическими делами Московской Патриархии, но и состоит членом Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению и расследованию немецких зверств, принимает по церковным вопросам иностранных представителей и корреспондентов". Важнейшей вехой новой религиозной политики стало 4 сентября 1943 г. Днем на даче у Сталина состоялось совещание с участием Маленкова, Л. Берии, представителей НКГБ, а также, по утверждению Э. И. Лисавцева, Патриаршего Местоблюстителя Сергия (Страгородского). Именно на нем оказались практически решены вопросы об открытии приходов, духовных учебных

заведений, выпуск, церковных изданий, выборах Патриарха и др. Итоги обсуждения были подведены на ночном официальном приеме в Кремле И. Сталиным и В. Молотовым митрополитов Сергия, Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича).

В архивном деле сохранилась запись беседы в ходе этой "исторической" встречи, сделанная присутствовавшим на ней полковником Госбезопасности Г. Г. Карповым.

Сообщение о приеме в Кремле уже на следующий день — 5 сентября — было опубликовано в газете "Известия". Вскоре после завершения встречи митр. Сергей передал властям список священнослужителей, находившихся в заключении. 27 октября он написал еще одно заявление, адресовав его Г. Карпову: "Прошу Вас возбудить перед Правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным и прилагаемом списке лицам, которых я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением. Я не беру на себя решать вопрос, насколько' эти лица заслужили отбываемое ими наказание. Но я питаю уверенность, что оказанная им со стороны Правительства милость побуди их (и даст возможность) приложить все свое старание, чтобы показан свою лояльность Правительству СССР и без следа загладить прошлую вину". К заявлению был приложен список на 26 священнослужителей в том числе 24 архиереев²⁶. Большинство их к тому времени уже были расстреляно или погибло в лагерях ОГПУ-НКВД. Уцелевших освободили, но это была очень небольшая часть томившихся в тюрьмах и лагерях священнослужителей.

Здесь, как и во многом другом, надежды Патриархии не оправдались. Целый ряд обещаний выполнен не был. Для И. Сталина оказалось важным, прежде всего, создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой поставить Церковь под жестокий контроль, встроить ее в систему режима своей власти. Неслучайно данную работу он поручил Наркомату госбезопасности. Для осуществления контролирующей роли по постановлению СНК от 14 сентября был создан специальный орган — Совет

²⁶ Гордиенко Н. С. Современное русское православие./1., 1998г. с.25.

по делам Русской Православной Церкви при правительстве СССР во главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым. Последний с 1940 г. возглавлял 3-й отдел 5-го управления, осуществлявший различные антицерковные акции. Заместителем председателя Совета стал также полковник и госбезопасности К. А. Зайцев. В беседе с Карповым 13 октября 1943 г. В. Молотов указал ему и уполномоченных Совета в основных областях И республиках подобрать "из чекистов". Характерно, что Г. Карпов некоторое время совмещал свою новую деятельность с исполнением Препжних обязанностей начальника 3-го отдела. На его соответствующий вопрос В. Молотов ответил: "Если Ваше должностное положение II КГБ не публикуется в газетах и не придано официальной гласности, то я считаю возможным совмещение". Закончил свою карьеру Карпов в чине генерал-майора. И вплоть до середины 50-х гг. Совет по делам Русской Православной Церкви находился под опекой, прежде всего всемогущих тогда органов госбезопасности. Решение ключевых проблем государственной религиозной политики И. Сталин оставил за собой. Менее важными вопросами в правительстве занимались трое Молотов, а с 1946 г. К. Ворошилов, в ЦК ВКП (б) — поочередно Г. Маленков и V. Жданов. Самостоятельная роль руководимого Карповым Совета на первых порах была не слишком значительной. В то же время надо отметить, что относительная внутренняя самостоятельность Церкви в первое послевоенное пятилетие была гораздо большей, чем в последующие и. периоды. В данных осенью 1943 г. И. Сталиным устных принципиальных указаниях Г. Карпову •говорилось: "... а) Совету не представить собой бывшего обер-прокурора, не дать прямого вмешательства в административную, каноническую и гуманическую жизнь церкви и своей деятельностью подчеркивать состоятельность церкви б) обеспечить соответствующие встречи, приемы, для общения с патриархом, которые могли бы быть использованы для соответствующего влияния; в) не смотреть в карман церкви и духовенства...; Повету обеспечить, чтобы епископам являлся полновластным хозяином епархии... право архиерея

распоряжаться церковными суммами; не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т. п." Конечно, самостоятельность Патриархии была сильно ограниченной, но все же в тот период она касалась и комплектования кадров духовенства. Государственные органы еще не видели необходимости в проведении специальной кадровой политики, осуществлении отбора лояльных священнослужителей среднего и низшего звеньев. Служба госбезопасности могла без соблюдения какой-либо законности арестовать почти любого нежелательного священника или архиерея²⁷. В отчет Г. Карпова генеральному прокурору СССР А. Вышинскому на приеме в Совнарком в конце 1943 г. по вопросу назначения и перемещения священнослужителей говорилось: "Совет имеет предложения: а) патриарх согласовывает вопрос с Советом только о назначениях, касающихся Синода, епископата и первосвященнослужителей кафедральных (соборов); б) на местах епископы согласовывают вопрос с уполномоченными по делам церкви только в отношении настоятелей церквей и благочинных; в) назначение всех остальных (вторые священники, диаконы) решается епископатам самостоятельно. Глубокие изменения в жизни Русской Православной Церкви начались сразу же после встречи в Кремле. Уже 8 сентября в Москве состоялся Собор епископов, на котором 19 иерархов единогласно избрали Патриархом Московским и всея Руси митр. Сергия. Собор также обратился к христианам всего мира с призывом объединиться для окончательной победы над фашизмом. 12 сентября произошла интронизация Патриарха, и через неделю в здании бывшего германского посольства, переданного Патриархии, он приветствовал прибывшую из Великобритании делегацию Англиканской Церкви во главе с архиепископом Йоркским Кириллом Гарбеттом. В сентябре 1943 г. вышел первый номер "Журнала Московской Патриархии".

Много внимания уделялось возрождению духовного образования Главным вдохновителем и организатором его был архиепископ Григорий

²⁷ Гэрдиев Н.С. Эволюция русского православия (20-е, 80-е гг. XX столетия) М 1984 с32

(Чуков). Он разработал проект создания средних и высших богословских школ, одобренный на октябрьском заседании Синода. В лице архиепископа Григория, ректора Ленинградского Богословского института 1920-е гг., устанавливалось преемство новой школы от старой. По его замыслу, возрождаемая школа должна была стать богословской, а не просто пастырско-практической. Перечень аналогичных наук в ней не только соответствовал дореволюционной программе Духовной Академии, но даже вводились новые предметы — история русской религиозной мысли и т. д. "Таким образом, замысел следует признать высоким мыслилось возрождение богословской науки и русской богословской традиции". Однако в полном объеме он оказался неосуществленным помешали противодействие властей, неподготовленность студентов и преподавателей. И все же после массовых чисток и репрессий уцелела небольшая группа профессоров старых духовных школ, обеспечивши определенное преемство традиций: Н. В. Чепурин, В. В. Четыркин, И. Сагарда, С. В. Савинский, Т. Д. Попов и др. 28 ноября 1943 г Совнарком разрешил открытие в Москве Богословского института и пастырских курсов в 1944 г.

План воссоздания организационной структуры Русской Церкви, также лишь частично реализованный на практике, разработал другой выдающийся церковный деятель — архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). 15 июня 1944 г. он изложил его в письме к митр. Алексию (Симанскому). Власти вовсе не желали восстановления мощной церковной организации. Это ярко проявилось в вопросе открытия храмов. 28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление, согласно которому ходатайства верующих сначала рассматривались местными органами, в случае их одобрения пересылались в Совет по делам Русской Православной Церкви, после предварительного решения которого поступали И Совнарком, а затем снова в совет. Такая многоступенчатая процедуры была выработана с целью тщательно эзировать открытие новых храмов. Бесконтрольный стихийный рост количества приходов вызывал сильнейшую тревогу в правительстве. Так, в феврале 1944

г. в Ярославской области, по неполным данным, самовольно действовало уже более) церквей. Властям представлялось необходимым обуздать этот поток, превратив его в тоненький ручеек. В одной из ноябрьских бесед с Г. Карповым В.Молотов указывал: "Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей. В последующем по вопросу открытия входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы... Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решения этого вопроса". И только 5 февраля 1944 г. Совет принял постановление об официальном открытии первых 18 храмов. Кроме того, по мере освобождения «купированных территорий — на Украине, в Ставропольском крае Т. д. началась кампания по изъятию у церковных общин зданий, до 1941 г. использовавшихся для общественных целей, причем порой без предварительного предупреждения верующих.

Заключение.

Государственно-церковные отношения на протяжении многих столетий были существенной частью политической истории России. Не стал исключением и XX век. Более того, после Октябрьской революции они обрели особые драматизм и остроту, порой оказывая заметное влияние на общую ситуацию внутри страны и международное положение СССР. На протяжении XX века в Российской Империи, СССР, России сменялись, только как основные официальные, идеологии Православного государства, интернационального коммунизма, социалистической великодержавности, демократического социализма, либеральной демократии, национальной государственности (в настоящее время). И их смена так или иначе влияла на отношения с Церковью. В середине и второй половине столетия советское общество трижды переживало идеологический кризис: в начале 1940-х, середине 1950-х и конце 1980-х гг. И все они совпадают с началом трех ступеней религиозного возрождения в СССР. Строй советской России был таков, что религиозные, идеологические и культурные течения в жизни общества, не укладывающиеся в рамки официальной идеологии, не имели возможности открыто развиваться. Это не делало их менее жизненными, хотя и вело к угнетению и деформациям, связанным с вынужденной закрытостью. И только в кризисные периоды подобные течения неожиданно для властей давали себя знать в виде организованных или стихийных проявлений. И руководство страны было вынуждено корректировать курс своей религиозной политики. Религиозную политику властных структур СССР и их отношения с Московской Патриархией в избранный для нашей книги период, по мнению автора, можно разделить на 5 основных этапов. В 1939-1943 гг. произошел отказ от курса на истребление духовенства, была постепенно свернута теистическая пропаганда, Патриархия впервые начала использоваться государственными органами для распространения советского влияния на разных границах страны. Но диалогом отношения Церковь —

государство не стали. Ситуация существенно изменилась в 1943-1948 гг. В это время руководство СССР, не располагая ядерным оружием, для реализации своих широкомасштабных международных планов было вынуждено активно использовать деятельность Церкви. В сложившихся относительно благоприятных условиях Патриархия сумела заметно расширить свое влияние в стране. Но в то же время между ней и правительством существовала лишь видимость взаимопонимания. Для И. Сталина было важным поставить Церковь под жесткий контроль, сделать ее послушно управляемой в своей политической игре. Это особенно ярко проявилось на третьем этапе — в 1948-1953 гг. Как только международная деятельность Московской Патриархии ограничилась участием в просоветском движении за мир, все возможности для дальнейшего роста числа ее приходов тут же были ликвидированы. Более того, стала целенаправленно проводиться политика вытеснения Церкви из общественной жизни, правда, без афиширования смены курса. 1953 г. послужил началом нового этапа. Хотя государственная религиозная политика "потеплела" лишь с конца 1954 г., но явное оживление церковной деятельности в стране стало ощущаться на год раньше. Вплоть до середины 1958 г. Патриархия, используя общее смягчение политического климата, внутривластную борьбу, в целом успешно расширяла свое влияние. На 1958-1964 гг. приходится завершающий этап. Вновь в государственно-церковных отношениях начал преобладать административно-силовой подход, резко активизировалась атеистическая пропаганда. В связи с принятыми планами построения коммунистического общества над религиозными организациями нависла угроза полного уничтожения. В то же время существенно расширилась международная деятельность Московской Патриархии, что и явилось одной из основных причин прекращения антицерковных акций сразу же после смещения Н. Хрущева в октябре 1964 г.

В соответствии с курсом государственной религиозной политики существенно менялась в сторону смягчения (середины 1940-х гг.) или

ужесточения (начало 1960-х гг.) конституционно-правовая база. Еще в 1943 г. впервые при правительстве был создан специальный орган, ведавший церковными делами — Совет по делам РПЦ. На протяжении двух десятилетий он заметно изменился — значительно вырос численно, расширил свои функции, избавился от чрезмерной опеки службы госбезопасности. Но одновременно под жестким давлением партийного аппарата Совет из органа, контролирующего и регулирующего деятельность Патриархии в интересах государства, постепенно превращался в проводника идеологических антирелигиозных установок ЦК КПСС.

Не оставались неизменными и формы, масштабы репрессивных акций. Улучшение государственно-церковных отношений не означало их (репрессий) полного прекращения, хотя, конечно, влияло на размеры. Так, в 1939 г. число арестованных священнослужителей и мирян по церковным делам упало по сравнению с 1937-1938 гг. в десятки раз, однако все же составило 1500 человек (из них 900 расстреляно). В 1940 г. их было соответственно 5100 и 1100, в 1941 г. — 4000 и 1900, в 1943 г. — 1000 и 500. Даже в самый благоприятный для Московской Патриархии период — 1944-1946 гг. — количество смертных казней составляло ежегодно более 100. Эти акции являлись важной составной частью сталинского механизма контроля и устрашения. Масштабы репрессий священнослужителей заметно выросли в конце 1940-х — начале 1950-х гг., но затем резко пошли на убыль. Картина вновь изменилась с 1958-1959 гг. Правда, теперь в основном применялись иные формы наказания нелояльных священнослужителей — снятие с регистрации, изгнание из пределов епархии и т. п. Однако и в это время были аресты, судебные процессы, инакомыслящих стали отправлять в психиатрические лечебницы. Всего в 1961-1964 гг. было осуждено по религиозным мотивам 1234 человека. С одной стороны, репрессии помогали удерживать под контролем значительную часть духовенства Московской Патриархии, подавлять особенно активные проявления церковного сопротивления. Но с другой — загоняли религиозную жизнь в подполье,

были непосредственной причиной значительного роста рядов катакомбного движения, подрывали доверие к власти среди широких слоев верующих, способствовали падению престижа СССР в глазах мировой общественности. И, в конечном итоге, расчеты на них властных структур не оправдались.

Реакция Московской Патриархии на гонения, как правило, была очень активной. И властям в той или иной степени приходилось ее учитывать. Значительную часть исследуемого периода Русская Церковь находилась в центре "большой политики", и самостоятельность ее руководства, особенно на международной арене, была небольшой. Следует отметить, что Церковь много сделала в налаживании контактов Восток—Запад, предотвращении глобальных конфликтов, чреватых мировой катастрофой во время Берлинского, Карибского кризисов. В то же время нельзя оценивать внешнюю деятельность Русской Церкви исключительно с политических позиций, основным был чисто религиозный диалог.

Руководство Московской Патриархии шло на частичное выполнение отведенной ему роли с целью сохранения в атеистическом государстве легальной многомиллионной церкви, оно желало обеспечить ее целостность. Сказывалось и влияние многовековой традиции "симфонии" с

государственной властью. Следует отметить, что постоянное давление на Церковь, ширококомасштабные антирелигиозные акции подрывали духовные основы общества, губительно сказывались и на сфере производства, разрушая трудовую этику. Они стали одной из причин нарастания острейшего кризиса в СССР. Антирелигиозному курсу властей всегда противостояло церковное сопротивление, принимавшее в разные периоды различные формы. Важнейшими из них были: иосифлянское движение, катакомбная церковь и религиозное диссидентство. Порой это

сопротивление достигало значительных масштабов, заставляя считаться с собой государственные органы. Следует подчеркнуть, что всеобщая политизация общественной жизни в СССР вела, с одной стороны, к трактовке властными структурами любых независимых групп и сообществ

как политически оппозиционных. Они соответственно подавлялись. С другой стороны, объединения, руководствовавшиеся в своей деятельности принципами христианской морали, зачастую не пытались полностью осознать свои собственные интересы, осознавая себя политической позицией режиму. Такой оппозицией, к примеру, по существу, стали церковные диссиденты.

Рассмотренные в книге вопросы напрямую связаны с проблемами современности. В условиях, когда после краха коммунистической концепции российское общество обратилось к поискам иной веры и новых путей организации своей жизни, некоторые церковные деятели проявили неумение наладить взаимодействие с людьми, ищущими путь к Церкви. Подобная неготовность объясняется, прежде всего, наследием прежних времен, когда религиозные организации были в основном вытеснены за пределы реальной общественной жизни. Это мешает Церкви полноценно выполнять социальные функции. В результате активизируются внеконфессиональные поиски веры, растут проявления духовной эклектичности, множатся ряды членов тоталитарных сект.

Впрочем, далеко не благополучная ситуация с религиозным вопросом сейчас не только в России, но и в Европе в целом. На Западе констатация духовного и культурного кризиса стала практически общим местом. А духовный кризис неизбежно связан с проблемами безопасности и стабильности. После завершения "холодной войны" в Европе вышли наружу многие скрытые прежде противоречия, особенно в области межнациональных отношений. И в ряде восточноевропейских стран, в том числе бывших союзных республик, политическая борьба и межэтнические конфликты приобрели религиозную окраску. Так, например, в Югославии раскол произошел именно по концессиям, хотя верующие составляли там меньшинство населения.

В этой связи особенно важной представляется необходимость выработки новой российской государственностью своей модели церковной

политики и обязательно с учетом исторического опыта. Государство должно быть светским, пресекая попытки использовать религию в политических целях, но оставляя ее в числе приоритетных интересов, чтобы не допустить расколы общества по национально-религиозному признаку, обеспечить равные условия для всех категорий граждан. Государство должно строить отношения с религиозными организациями на конституционно-правовой основе и отказаться от использования их для достижения своих прагматических целей внутри страны и за рубежом. Важно не повторить ошибок, совершенных в государственно-церковных отношениях в предшествующие десятилетия, а также использовать положительный, пусть и небольшой, опыт, существенный в их истории.

Список литературы

Опубликованные документы и материалы.

1. крестный путь Патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников к (50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. 1994.№2.
2. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство.1917- 1941.Документы и фотоматериалы.М.,1996.

Справочная литература

3. Мир русской культуры. Энциклопедия справочник. М., 2000.
4. Православная энциклопедия. М.,2000.
5. Православный календарь 1994.М.,1993
6. Религии народов современной России. М.,1993
7. Христианство. Энциклопедический словарь.Т.1-2.М.,1993.

Научная литература

8. Алексеев В.А. В начале был декрет // Диалог. 1991.№4.
9. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.,1991
10. Алексеев В.А. Цели разные, участь общая // Агитатор. 1989.№21.
11. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется ? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР.М., 1992.
12. Бабинов Ю.А. государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь, 1991.
13. Бакаев Ю.Н. История государственно-церковных отношений в России. Хабаровск, 1994.
14. Барменков А.Н. Свобода совести в СССР.М.,1986
15. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М., 1990.
16. Васильева О.Ю. Кремль против Ватикана. Полковник Карпов под руководством генералиссимуса Сталина атакует папу римского // Новое время. 1993 .№30
17. Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. красные

конкистадоры. М., 1994. Васильева О.Ю. Кнышевский П.Н. «Тайная вечеря» // Ленинградская панорама. 1991. №6, №7.

18. Воронцов Г.В. Ленинская пропаганда атеистического восприятия в действии (1918 - 1937 гг.). Л., 1973.

19. Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Особенности модернизации современного русского православия. М., 1978.

20. Гордиенко Н.С. Современное русское православие. Л., 1998.

21. Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20-е - 80-е гг. XX столетия). М., 1984.

22. Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917-1945 гг. СПб, 1995.

23. Клочкин В.В. Закон и религия. М, 1982.

24. Коржихина Т.П., Санин А.С. История российской государственности. М, 1995.

25. Корзун М.С. Русская Православная Церковь. 1917 - 1945 гг. Изменение социально-политической ориентации и научной несостоятельности вероучения. Минск, 1987.

26. Крахмальникова З. В поисках обещанного рая. Заметки о церковной жизни в России XX века // Нева. 1992. № 10.

27. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений I России:

исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. Л., 2000.

28. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М, 1981.

29. Николин А. Церковь и государство (История правовых отношений). М, 1997.

31. Никольский Н.М. История русской церкви. М, 1931.

32. Овчинников В.Г. Русская Православная Церковь в XX веке //

- Преподавание истории в школе. 1992. № 1.
- 33.Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений 1917 - 1938 гг.). М, 1991.
- 34.Одинцов М.И. Государство и церковь в России, XX век. М, 1994.
- 35.Одинцов М.И. Жребий пастыря // Наука и религия. 1998. №5.
- 36.Одинцов М.И. Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. №5.
37. Пospelовский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России, СССР. М, 1996.
38. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М, 1995.
39. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь: испытания начала XX в. // Вопросы истории. 1993. № 1.
40. Православные церковные братства в России // Храм: специальный выпуск. 1997.
41. Рахманова И.В. Борьба религии и атеизма в первые годы советской власти. На материалах Алтайского края // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987.
42. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917 - 1945. М, 1996.
43. Русское православие: вехи истории. М, 1989
44. Цимбаев Н.И. Русская Православная Церковь в годы испытаний (1900 - 1941 гг.) // Вопросы философии. 2001. № 5.
45. Щапов Я.Н., Васильева О.Ю. и др. Христианские вероисповедания и государственная власть в России в XVIII - первой половине XX в. // Отечественная история. 1998. № 3.
46. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI XIV вв. М., 1972.

Богословская литература

47. Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб., 1995.
48. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви.

1917 - 1990. М., 1994.

Цыпин В., протоиерей. Церковное право. М., 1996 Публицистика

49. Власть и церковь // Трибуна хлебороба. 1997. 15 июля.
50. Ворсина В. К струе воды живой // Алтайская правда. 2001. 10 февраля.
51. Выбор судьбы. Русская Православная Церковь в современном мире // Алтайская миссия. 1996. № 9.
52. Религия и церковь в жизни современной России // Диалог. 2001. №3.
53. Роль Православной церкви в истории России: круглый стол // Вопросы истории. 1990. № 3.
54. Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1995